

У остывшей реки

Повести и рассказы

Анатолий Шаров

16+

Анатолий Шаров
У остывшей реки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шаров А. П.

У остывшей реки / А. П. Шаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В новую книгу владимирского писателя Анатолия Шарова «У остывшей реки» вошли как новые произведения, так и публиковавшиеся ранее повести и рассказы. В них чувствуется и знание описываемой среды, и умение автора передать тонкости характеров героев, и большой житейский опыт, и наблюдательность. Всё это делает произведения интересными, увлекательными, вызывающими у читателей сильные эмоции. Автор любит своих героев, особенно сельских «чудиков», рассказы о них согреты добротой и теплом. Его герои от простых деревенских жителей до людей, наделённых властью, живут среди нас, они понятны и узнаваемы. Показывая их в различных жизненных ситуациях, автор приглашает читателя к размышлению о нравственном выборе, проблеме взаимоотношений человека и общества. Произведения А.Шарова легко читаются, так как написаны хорошим литературным языком, а мягкий юмор придаёт им неповторимый колорит. Книга вызовет интерес у широкого круга читателей.

Анатолий Шаров У остывшей реки

СЕРДЕЧНОЕ ЗРЕНИЕ

То, что Анатолий Шаров пишет стихи, по его прозе видно сразу. От первой страницы, точнее – с первых предложений читателя подхватывает сильный, уверенный поток хорошо сложенных слов, мастерски уплотнённых и подогнанных под его, читателя, дыхание и сердцебиение, да так, что никакого зазора для сторонней, не связанной с повествованием, мысли невозможно даже и представить. Именно это хорошее, стильное владение литературным русским языком мгновенно захватывает и связывает сознание отрывшего книгу и начавшего читать Анатолия Шарова и удерживает властно и цепко, уже не отпуская до самого окончания повествования.

«Это новость молнией облетела тихий старинный Приокск: убит глава города! Утром только и разговоров было об этом. На автобусных остановках, в пивнушках и забегаловках, да просто на улицах, где встречались два-три человека. «Слышали? Николая Васильевича Силаева нашли мёртвым в собственном гараже с пулей в голове!»

Криминальное происшествие, как это часто бывает, с каждым новым рассказчиком обрастало подробностями и домыслами. По словам одних выходило, что градоначальника обнаружили около авто с простреленной головой. Другие добавляли: Силаев, раненный, дополз до гаражной двери. Третьи утверждали...». («Киллер для мэра»).

А ещё не отпускающая, так властно удерживающая читательский интерес, плотность художественного текста подтверждается, крепится тем, что каждая картина в повестях и рассказах Шарова, завершаясь, не осекает, а закономерно, логично вытекает, переливается в новую картину, сцена лирическая удивительно естественно продолжается сценой патетической, а та комедийной – и это уже второй знак развитого литературного мастерства: протраивать драматургию произведения, опирая последовательность изложения сюжета на науку психологию. Такое понимание – или знание? – Анатолием Шаровым психологических закономерностей эмоциональной концентрации на светлом или тёмном, весёлом и трагичном, такое знание длительности или краткости полноты переживаний светлого и тёмного, с необходимыми паузами для нейтрального изложения информации, подтверждает мастерство писателя-композитора, которому просто преступно не взяться за крупную прозу, её романную форму.

Действительно, это пожелание, точнее даже – заказ, требование к писателю не экономить свои силы, не жадничать, а отпустить себя, развернуться во всю свою отпущенную свыше силу и потратиться на создание развёрнутого полотна нашей современной жизни просто напрашивается из демонстрируемого Шаровым великолепного знания этой нашей современной жизни. Каждый его сюжет, каждая запускаемая им интрига доставляет истинное удовольствие от наблюдения за глубочайшим авторским погружением в материал, за его лично опытным знанием – до мелочей и тонкостей – и заводского производства, и бюрократической, управленческой сложности, и совхозного механизаторского труда, и сельского усадебного быта:

«...Осень в тот год была тёплая. Уже Покров отпраздновали, капусту порубили, свёклу повывёргивали, а на воле стояла такая благодать, что хоть опять огород паши и картошку сажай. И всё бы ничего, только две приметы не радовали деревенских жителей: рябина раньше времени созрела, а ещё в лесу было полно мухоморов. Рябина ранняя – к лютой зиме, а вот прорва мухоморов – к войне». («Сашка-Багратион»).

Писатель родился в деревне Старково Владимирской области, и понятно, что эта наша не пышная, не экспрессионистская, но всегда так пронзительно гармоничная, среднерусская

природа стала воспитателем его зрения. Народные приметы – это приметы писателя из народа, меты деревенского детства на всю остальную жизнь. И потому опыт политических подспудных механизмов демократических выборов явно уже из периода жизненной зрелости автора:

«Предвыборную программу построили на семейных ценностях и критике действующей власти. Весь город завесили плакатами, где Силаев был с женой и детьми. На открытии заводского детского комбината, в городском ДК, на чествовании передовиков производства, в загородном оздоровительном центре...

Светлана была «засланным казачком» в мэрии. Сливала компромат. ... Силаевские штабисты тиснули большим тиражом разоблачительный спецвыпуск. Разразился скандал». («Киллер для мэра»).

Зрелость – это сублимат огромного и разностороннего опыта ответственности. Биография Анатолия Шарова богата на такую ответственность. Но, думается, именно деревенское, природно-русское начало хранило и хранит в писателе ясное, чётко ориентированное относительно вечно ценного, сердечное зрение, виденье не только внешнего, но в сутевого, глубинного, главного:

«Руководить – не руками водить. А тут у Валеруна получалось не очень. Правда, в районе его ценили. Все справки, отчёты, составлял грамотно и вовремя. А вот сельские ругали главу за разбитые дороги, многократно обещанный, но так и не проведённый газ, за дырявый водопровод, месяцами не работающие колонки, заросшие пруды. Всё решалось со скрипом, а то и вовсе тонуло в пустых обещаниях и отписках. На второй срок его бы точно прокатали. ... Титов так и сделал. За неделю до дня голосования привёз пару самосвалов строительного мусора, засыпал дорожные ухабы. На собраниях говорил, что вопрос с газом практически решён, готовьтесь ломать печи...». («Валерун»).

Без жизненного опыта в прозе невозможны – нет, не сюжеты – их можно заимствовать из застольных пересказов и даже газет, без зрелости у прозаика не получаются герои. Персонажи. Те участники нравственного конфликта, из которого рождается произведение, те носители добра и зла, которых не только понимаешь, и не просто узнаёшь как знакомых, а которым сопереживаешь, сочувствуешь, даже если они далеки от идеала. Здесь Шаров тоже мастер. Персонажи его рассказов столь живы, материально телесны и явно имеют реальных прототипов, что видно, как сам автор ловит удовольствие выписывая типажи. Силаев, Светлана, Валерун, Угрюм-река и Багратион, вековуха – семидесятилетняя дева Лена, Хлыст, Вадим, Валька-путанка – они легко узнаются, сразу заполняют собой воображение, хотя выписаны в два-три штриха, но каких точных штриха:

«Костюков был скуп на слова, основательный и упорный. Если возьмётся за сломанную железяку, обязательно выправит поломку, чего бы это ему не стоило. Из любой, казалось бы безвыходной ситуации находит выход». ... «Верхняя серебристая пуговичка кофточки была как бы небрежно, но не вызывающе, расстёгнута, и чуть ниже угадывалось то, о чём Силаев давным-давно сочинил стихи, которые выучил наизусть весь курс». ... «Хлюст». Может, оттого его так величают, что был Ваня высокий, поджарый, жилистый. И уж такой живой, вёрткий! Конечно, когда выпимши. Не ходил – вышагивал, как будто танцор, как будто не сгибая колен». ... «В качестве свадебного генерала привезли с собой министерского начальника. Лет тридцати пяти, солидный молодой человек, немногословный, с неторопливыми манерами, прикатил на чёрном «Майбахе» с модельной красоткой».

Особо хочется отметить умение писателя, ни на мгновение не покачнувшись в своих нравственных установках, более того, во всех своих произведениях активно и доказательно утверждать непреложные ценности: честность, стойкость, дружбу, профессионализм, самоотверженность, и при этом не впасть в дидактичность, обойти морализаторство, доказывая и утверждая свои убеждения чисто художественно. Анатолий Шаров как бы вот так просто, как бы сам при этом оставаясь в стороне, поведение своих героев выводит на суд читателя. И здесь,

опять же, нам открывается ещё одна грань его писательского мастерства: эта отстранённость, умение вывести персонажи на суд именно не авторской, а читательской совести.

То есть, писатель вроде как просто рассказывает, даже пересказывает некую историю, довольно типичную, во многом известно повторяющуюся, но читатель, погружившись, уже через своё сопереживание сам решает, сам выносит приговор осуждения или оправдания героям этой истории. Вот, например, как могут два человека, да с одним именем, лишь ради шутки разведённом ударением на Виктор и ВиктОр, выросшие в одной среде, воспитанные одной школой, при переходе социума в иной политико-экономический строй, так разойтись лично: один стоит в своих убеждениях, упирается в непреложность понятий справедливости, другой легко, более того – радостно поддаётся соблазнам безнравственности и гибнет, губя всё вокруг себя. Губит, ведь Земля – нравственный сотрудник человеку, и она цветёт или пустынится его делами.

Суд справедливости и совести – неотвратимый суд. И потому даже «правильный мэ́р» Силаев неотвратимо погибнет от своих предательств в жизни личной. Такая чёткая авторская ориентированность относительно вечных ценностей превращает обыкновенные истории современности в притчи, не имеющие привязки ко времени, равно понимаемые и принимаемые читателем и из прошлого века и века будущего. Поэтому от каждого прочитанного рассказа в сознании и душе читателя тянется долгий, плотный памятный шлейф из мыслей и переживаний. Герои Анатолия Шарова не отпускают, требуют продолжения своих историй. Отсюда повторю пожелание, просьбу, точнее даже, требование к писателю Анатолию Шарову: решиться и потратиться временем, силами, здоровьем на создание эпического полотна нашей жизни. Ему по силам роман. С развёрнутыми пейзажами России, с многообразием типов русского народа. С нашими болями и радостями, бедами и победами.

В.Дворцов
Заместитель председателя

Союза писателей России

КИЛЛЕР ДЛЯ МЭРА

Эта новость молнией облетела тихий старинный Приокск: убит глава города! Утром только и разговоров было об этом. На автобусных остановках, в пивнушках и забегаловках, да просто на улицах, где встречалось два-три человека. «Слышали? Николая Васильевича Силаева, нашли мертвым в собственном гараже с пулей в голове!»

Криминальное происшествие, как это часто бывает, с каждым новым рассказчиком обрастало подробностями и домыслами. По словам одних выходило – градоначальника обнаружили около авто с простреленной головой. Другие добавляли: Силаев, раненый, дополз до гаражной двери. Третьи утверждали – несчастный, окровавленный и связанный, валялся у подъездной двери, где его и нашла ночью возвращавшаяся с гулянки парочка... Четвертым было доподлинно известно, что... В общем подробностей – без счета. Всяких и разных, на любой вкус. Еще бы! Убийства в тихом районном городке не каждый день случаются. А тут городской голова!

Поговаривали, что убийство заказное и что заплатился Василич за свою несговорчивость то ли с подмосковным, то ли столичным криминальным бизнесом. Его воротили якобы, намеревались прибрать к рукам самые лакомые куски Приокска: элеватор, мясокомбинат, «ликерку» и даже кое-что из «оборонки».

Николай-то Васильевич был крутого нрава. Ни перед столичными, ни тем более перед местными денежными мешками шапку не ломал. А всякую мелюзгу вообще гнал с порога. Вот, видимо, и поплатился за несговорчивость и упрямство...

Силаев правил городом десять лет. И вроде никому не продался. Впрягся как ломовая лошадь и исправно тянул воз. И в смутные времена, и в бандитское безвременье, и в пору политического раздрая. Так, во всяком случае, воспринималось это обывателями Приокска.

К обеду в Приокск понаехало много всякого начальства. Губернатор, облпрокурор, начальник УВД, заместитель начальника областного УФСБ. Ну и, конечно, лучшие опера, следователи, криминалисты. Чиновники райадминистрации угадывались по испуганным и растерянным физиономиям. Совещание открыл прокурор области генерал Федор Иванович Сизов. Был он высок, наполовину лыс, с остатками седых волос на затылке, но с черными, как смоль, усами.

– Произошло убийство мэра – уверенным, громким басом начал генерал, – вы знаете. Ситуация, прямо скажем, неординарная. Местные опера работают. Прокуратура возбудила уголовное дело. Но ясности пока мало. Кто у нас следствие возглавляет?

Из-за стола поднялся невысокий подполковник с тоненькой серой папкой в руках. Раскрыв папку, он тут же захлопнул ее и положил перед собой.

– Подполковник Емелин, – представился он и продолжил: – Ситуация (он намеренно повторил генеральское выражение) запутанная, начал негромким трескучим голосом подполковник. – Следственно-оперативная группа работает на месте преступления с трех часов ночи, когда был обнаружен труп Силаева. Серьезных улик пока нет.

Свидетелей тоже. И сделал неожиданное заключение: Убийство четко спланировано, стрелял похоже, профессионал, так что попотеть придется изрядно.

Слушая подполковника, генерал изредка бросал на «следака» недовольные взгляды. А когда тот закончил, Сизов бросил раздраженно:

– Ты, Емелин, не разводи панические настроения! Что, уже заранее решил, что это «висяк»?

– Нет, но факты говорят о том, что мы имеем дело с заказным убийством. Шпана в лоб не стреляет. Да и улики практически никаких. А тут еще снегопад...

– Ты вот что, мил человек! – Генерал неожиданно вернул «гражданский» оборот. Но сделал это с укором, да еще пристукнул кулаком по столу так, что слова его приобрели злоеущий оттенок. – Ты слюни-то не распускай, а ноги в руки – и вперед! Еще раз прочесать территорию около гаража, пройти по квартирам близ лежащих домов, поговорить с людьми. Может, кто что видел или слышал, дать объявление по местному радио, в газетах. Глядишь, что-то прояснится. А то завел тут заупокойную канитель! И лично мне докладывать, два раза в день: Оперов добавили.

Губернатор Василий Петрович Назаров поддержал генерала. Сказал, что преступление резонансное. О нем уже трубят федеральные СМИ. Поэтому хорошо бы раскрыть по горячим следам. В качестве предполагаемых мотивов убийства не исключил и предстоящие скоро выборы.

Чтобы не стеснять силовиков, губернатор довольно скоро уехал. А участники совещания взялись за обсуждение наиболее ходовых версий: экономическую и бытовую. Всю работу по раскрытию преступления возглавил облпрокурор. В ту пору регионального СУСК еще не было.

Подытоживая, облпрокурор сказал, что дело на контроле как в Генпрокуратуре, так и в МВД и от этого требует от всех как областных, так и местных правоохранителей четкой и профессиональной работы.

Николай Васильевич Силаев был коренной, приокский. Вся его жизнь прошла здесь. За исключением пяти лет учебы в МВТУ имени Баумана. Школьный медалист, он поступил в престижное училище с первого раза и окончил с красным дипломом. Кроме того, был комсомольским активистом, распределение выбирал сам. А Николаю и голову ломать не пришлось. Все пути вели на завод по изготовлению лазеров в родном Приокске, где он проходил практику. На заводском материале защитил диплом.

Николай гордился, что за плечами у него один из престижных столичных вузов. В американском ЦРУ он классифицировался не иначе, как «Ракетный колледж на Язуе». Стипендия в «бауманке» была выше, чем в любом другом институте. Дело в том, что, начиная со второго курса, им оформлялся допуск для работы с секретными документами. За что к «сороковнику» стипендии добавлялось еще пятнадцать! Деньги по советским временам вполне приличные. На 50 копеек в студенческой столовке можно было пообедать.

Среди институтской молодежи гуляла такая шутка: студент МГУ все знает, но ничего не умеет; студент МФТИ что-то знает и что-то умеет; студент «бауманки» ничего не знает, но все умеет!

На родном предприятии карьера вчерашнего выпускника развивалась со скоростью термоядерной реакции. Оттрубив чуть больше года руководителем группы, Николай стал заместителем начальника цеха. А вскоре и начальником одного из ведущих цехов.

Здесь он встретил и свою будущую жену- лаборантку Зиночку Орлову. Приметил он ее еще раньше, когда был на практике. Тогда они просто встречались: ходили в кино, парк культуры, на молодежные вечера. Сейчас еще больше привязались друг к другу. Зимой, в выходные ходили на лыжах. Летом – на байдарке по Оке, любовались великолепными восходами и закатами.

Зиночке пришлось выдержать серьезную конкуренцию за видного жениха. Коленька Силаев словно из лазерной пушки прострелил сердца многих заводских красоток. Высокий, черноглазый, с аккуратными черными усиками, улыбчивый и остроумный, он внешне чем-то походил на молодого кубанского казака. Несмотря на молодость, от него веяло мужской хваткой, основательностью.

Особенно запала на Николая Света Панина, комсорг завода. Жгучая стадная брюнетка, на год старше Николая, Света была девушка на выданье. Ухажёров у нее хватало, но до замужества дело почему-то не доходило. В Николая она вцепилась мертвой хваткой. Как матерая волчица в молодого лося. Для начала повключала его по линии комсомола в различные комиссии, в члены жюри смотров, конкурсов и т.п.

А как-то после какой-то вечеринки у себя на квартире попросила Силаева помочь с посудой, а потом и затащила в постель. Любовницей оказалась опытной и страстной. Николай потом старался реже попадаться ей на глаза. А когда из комитета комсомола приглашали на совещания, ссылался на неотложные дела.

С Зиночкой было все по-иному. Она была домашняя. Умела хорошо готовить, знала толк в соленьях-вареньях. Любила читать, наизусть знала много из Есенина, Блока. А главное относилась к Николаю как к другу, а не как к жениху. Не лезла с двусмысленными намеками и разговорами о планах на семейную жизнь.

С женитьбой у него получилось просто и буднично. Как-то солнечным февральским днем, катаясь на лыжах на крутом берегу Оки, они с Зиной, разругавшись на легком морозце, присели отдохнуть на сухую поваленную сосну. Зина достала из рюкзака полиэтиленовый пакет с едой. Бутерброды с колбасой и сыром, пару вареных яиц, соленые огурцы в плотной непромокаемой бумаге. И маленький термосок с горячим чаем.

«Надо же, подумал Николай, а я и не догадался взять с собой перекус». Утром на сытый желудок об этом не подумалось. А вот сейчас, после полдня на лыжах, немудреная еда показалась вкуснее самой изысканной ресторанной закуски.

– Эх, сейчас бы по соточке под такую закусь! – воскликнул Николай, щурясь от бьющего прямо в глаза солнца.

Глядя на разгумившегося спутника, девушка улыбнулась:

– Извините, Николай Васильевич, – она шутливо назвала его по имени-отчеству. – Выпивку взять не догадалась. Ты же знаешь, я к этому делу равнодушна. – И уже чуть серьезнее: – Да ведь мы не за этим сюда пришли. – Немного помолчав, снова взглянула на Николая. – Если хочешь – давай вечером сходим в кафешку.

Он посмотрел девушке в глаза. В них было столько душевного тепла, доброты, понимания, что горячая волна пробежала по телу и он неожиданно сказал:

– Зинуль, давай жить вместе!

– Это как? – Она с недоуменной улыбкой взглянула на Николая.

– Ну, выходи за меня замуж... Распишемся, как положено... – несколько смущенно про- бормотал Николай.

– На заборе что ли?! – Засмеялась девушка.

– Чего – «на заборе»? – не понял парень.

– Ну, распишемся!

– Да ладно тебе, Николай от волнения сгреб в ладонь снежный комок, прихлопнул его другой рукой и запустил в сидящего на кусту воробья.

Зина продолжала смотреть на Николая с притворной улыбкой.

– Это дело надо обдумать. С родителями посоветоваться. – И, помедлив немного, предложила: – Ну что, заканчиваем прогулку?..

А когда вышли на накатанную лыжню, ведущую в город, светящийся на другом берегу напомнила Николаю о недавнем предложении:

– Ну, так как насчет кафешки сегодня вечером?

– Ваше предложение, Зинаида Юрьевна, – шутливо сказал Силаев – с удовольствием принимается.

– Тогда в шесть в «Лукоморье»?

– Заметано!

Вечером в кафе под шампанское Зина согласилась выйти за Силаева.

По правде сказать, к женитьбе Николая подтолкнул и недавний разговор с директором завода. Тот пришел в цех в конце месяца лично проконтролировать, как выполняется спец заказ оборонного ведомства. Выслушав доклад молодого начальника цеха, разложившего по полочкам весь цикл производства, и побывав на некоторых участках, директор остался доволен: «изделие» будет сдано к назначенному сроку. А когда Николай вышел проводить начальство, директор, остановившись и взяв Николая за руку выше локтя, сказал как-то тепло, потечески:

– Ты, вижу, парень толковый, надежный. Молодец! – И, чуть помедлив, спросил: – А почему не женишься?

Силаев пожал плечами, не зная, что ответить. А директор, продолжая правой рукой удерживать его за локоть, указательным пальцем другой руки легонько ткнул в Николаеву грудь:

– Мы хороший дом закладываем недалеко от завода, на Пролетарской, через год сдадим. «Однушка» в нем тебе обеспечена. А вот женатому, да еще начцеха, могли бы насчет трехкомнатной посмотреть. – И, отпустив Николая, поднял палец кверху. – Подумай!..

И снова улыбнулся – открыто, душевно, по-доброму.

Директор слово сдержал. Когда на завкоме стали распределять жилье и подошла очередь Николая, директор, до того равнодушно наблюдавший за утверждением кандидатур новоселов, здесь счел нужным сказать несколько слов:

– Николай Васильевич, – он намеренно назвал Силаева по имени-отчеству, как бы выделяя его среди остальных и подчеркивая свое уважение к нему, – прекрасный специалист и

руководитель, хотя и молодой. Цех его передовой на заводе. И нам таких руководителей надо ценить. Это, если хотите, будущее предприятия, золотой фонд. Предлагаю дать ему трехкомнатную, тем более семейство ждет пополнение.

«Надо же, – подумал польщенный Николай, откуда-то про Зинаидин декрет знает!»

Директора поддержал секретарь парткома. Да, действительно, толковый мужик, недавно избран членом бюро парткома. Отзывы о нем только хорошие. Достоин!

Вообщем, против «трешки» Силаеву никто не возразил. Да если бы и возразили... Часом раньше завком утвердил решение: оставить три квартиры в директорском фонде. Так что одну из них директор мог выделить Силаеву, не задумываясь. И в каком положении тогда оказались бы оппоненты? Поэтому все согласно закивали, поддерживая директора: да, конечно, одобряем.

Вечером Николай сообщил родителям, что они с Зиной скоро переедут в собственную квартиру. Мать даже всплакнула. С одной стороны, она порадовалась за молодых, а с другой, ей было немного грустно расставаться с ними. А отец, начальник участка соседнего с Николаевым цеха, подытожил:

– Свой угол – всегда лучше, хотя и нас вы не стесняли.

Перед очередным заседанием парткома комсомольский вожак Панина Светлана подошла к Николаю.

– Завтра в семнадцать подводим итоги смотра-конкурса молодых рационализаторов.

Николай попробовал увильнуть:

– Света, я же многодетный отец, мне к семейству надо бежать после работы. – Он попытался обернуть все в шутку.

Однако Панина юмора не оценила и стояла на своем:

– Вы, Николай Васильевич, председатель жюри, так что завтра в актовом зале.

Николай понял, что Светлана все равно не отстанет. Да еще – может пожаловаться директору или секретарю парткома. Она такая, упертая. Хотя ей уже далеко за тридцатник, но главная заводская комсомолка любому мероприятию придавала исключительное значение и строго спрашивала с ответственных. И люди поневоле заражались ее оптимизмом, важностью момента и искренне верили, что если не подвести итоги смотра рационализаторов или конкурса художественной самодеятельности, жизнь на заводе зачахнет, планы будут завалены и не помогут никакие сверхурочные рабочие часы и «продленки».

Силаев позвонил матери и попросил, чтобы она пришла завтра к ним и помогла Зине искупать Саню и Машу.

С тех пор, как супруга осчастливила его двойней, Николай старался не задерживаться без острой надобности на работе и всегда спешил после смены домой. Директор не просто «продавил» ему квартиру, но и дал заводских строителей, чтобы довести ее до ума. Так что Силаевы въехали в трехкомнатные хоромы. Паркетный пол играл лаковым глянцем, чешская сантехника сверкала белизной, на обоях не было заметно ни одной морщинки. Директор вообще мужик мудрый, да и с «трешкой» как в воду глядел. Опять же дал команду заводским связистам, чтобы поставили на квартире телефон. Вечером Николай предупредил Зину, что завтра задержится на работе. Искупать ребятшек поможет мать, он уже договорился с ней.

Родители, что Николая, что Зины, души не чаяли во внуках. Такое счастье – сразу мальчик и девочка! Старались почаще навещать молодоженов, а уж когда те обращались за помощью – бросали все и мчались к ним сломя голову. И Зине вольготно было с такими помощниками. Конечно, основные заботы были на Николае. Сделать покупки, достать дефицит и т.д. Зина была как за каменной стеной.

А карьера Николая перла как на дрожжах. Его назначили зам. директора по производству. И он пересел в кабинет на 5-м этаже напротив директора.

... Итоги конкурса рационализаторов подвели быстро. У Паниной все было уже на мази: победители определены, лауреаты отмечены, поощрительные призы заготовлены. Все расписано до последней запятой. Силаев кое-что в заготовках Паниной поломал. Первое место отдали не вспомогательному цеху, а цеху основного производства. Все-таки они занимаются лазерами – главной продукцией завода. С ним согласились. После официальной части, в кабинете Паниной накрыли длинный стол для заседаний. На ватманских листах разложили колбасу, сыр, пирожки с разной начинкой. Стояло несколько бутылок минеральной воды. Света достала из шкафа водку. Присутствующие довольно потеряли руки: за хорошее дело грех не выпить!

Выпили, и не по одной. За творческую молодежь, за заводскую проходную. Славик Семенов, заместитель Светы, штатный балагур и массовик-затейник, развлекал общество: травил байки, анекдоты. Компания то и дело взрывалась хохотом. Изрядно захмелев, Славик выдал очередной пассаж:

– Что такой комсомол? – спросил он и поднял осоловелые глаза на присутствующих.

Все молчали. Повисла неловкая пауза. Славик выдал:

– Комсомол – это такая организация, где работают, как дети, а водку пьют, как взрослые...

И, захохотав, предложил тост за комсомол.

Света поняла, что Славик пошел в разнос и закруглила вечеринку. Все потянулись к выходу. Некоторые на скорую руку выпивали и, не закусывая, выходили из кабинета. Поднялся и Силаев, но Панина его остановила:

– Николай Васильевич, подождите, надо протокол подписать.

Света выпихнула за дверь изрядно захмелевшего Славика и два раза повернула ключ в замке.

...Силаев проснулся от какого-то щекочущего прикосновения. Света склонилась над ним, а ее длинные распущенные волосы скользили по его плечам, окутывали шею, лезли в уши. Он лежал на кожаном диване, покрытом короткой простынкой. Увидев, что Николай открыл глаза, Света припала к его губам.

– Хочу еще!..

– Подожди. – Он взглянул на часы. Слава богу: дремал не более получаса. – Поздно уже.

– Ну, хоть немного! – И она крепко обняла его, придавив грудью лицо так, что дышать стало невозможно...

Потом, лежа около него на краешке дивана, оперевшись затылком в его подмышку, прошептала:

– Давай съездим куда-нибудь по путевке?

– Чего? – Удивился Силаев неожиданно поменявшейся теме.

– Ну, хоть в круиз на теплоходе, от Горького до Астрахани. Всего-то неделя.

– А что я дома скажу?

– Что послали в командировку.

Немного помедлив, Николай поднялся с дивана.

– Все, пора домой...

Этим он дал понять, что разговор закончен и что домашняя постель для него дороже комсомольского дивана. Пусть даже с сумасшедшими Светкиными фантазиями. Но та не отставала:

– Ну, так как насчет круиза?

– Эта тема не обсуждается...

Панина предложила подвезти его до дома на комитетском авто, но Силаев отказался:

– Нет, я пешком. Тут и хотьбы-то десять минут.

Подойдя к квартире, он не сразу открыл входную дверь. Перепутал ключи. Зина встретила в прихожей.

- Что так поздно?
- Сначала с рационализаторами разбирались. А потом шеф вызвал. Новый заказ получили...
- Выпивал с директором? – Она сделала ударение на последнем слове.
- С ним. – Николай непроизвольно прикрыл рукой рот.
- Есть будешь?
- Обязательно!
- Тогда мой руки и на кухню.

Светлана пришла на работу как всегда на полчаса раньше. По пути в администрацию она покупала местную прессу: городскую и областную газеты – и до начала рабочего дня, когда никто не мешает (ходовок нет и телефон молчит) бегло просматривала их. Пролитав городскую газету, ни за что не зацепилась. Перспективы развития горводоканала, как защититься от дачных воришек, калейдоскоп интернет-новостей, милицейская сводка за неделю. Пробежала милицейскую хронику и отложила газету в сторону. Зазвонил телефон. «Кому-то не терпится», – подумала про себя. Еще пятнадцать минут до начала рабочего дня.

Последнее время телефонные звонки стали ее напрягать. После убийства Силаева было много любопытных, которые лезли с расспросами: что да как? Она сразу отшивала. «Я не по этой части, звоните в милицию или прокуратуру!» Вот и сейчас наверняка начнется эта канитель.

Она сняла трубку.

– Да. – Сказала уставшим тоном, только обозначив себя: ну вот я здесь, на работе, чего надо в такую рань?

– Светлана Юрьевна, здравствуйте! – Приятный мужской голос располагал к общению.

– И вам не болеть! – Чиновница все еще не настроилась на рабочий тон.

– Федеральная служба безопасности, Воронин Владимир Николаевич. – На том конце провода сделали паузу, словно любезно давая абоненту время прийти в себя. Подтянуть отвисшую нижнюю челюсть.

А Панина действительно напряглась, газетный лист в руке задрожал, ладони вспотели. Но она взяла себя в руки и, придавая голосу спокойствие, ответила:

– Чем могу быть полезна конторе глубокого бурения?! – Светлана специально по-советски расшифровала аббревиатуру КГБ, как бы заранее проявляя уважение и к «конторе», и к собеседнику. А тот, довольно усмехнувшись (было слышно в трубке), предложил:

– Есть разговор, надо бы обсудить.

– Когда?!

– Если можете – прямо сейчас! Приезжайте, я пропуск заказал, второй этаж, кабинет двадцать один.

«Очко, – отметила про себя Светлана, – а у меня, очевидно, к одиннадцати туз».

– Хорошо, сейчас буду!

В городском управлении ФСБ она не была ни разу, но хорошо знала это здание. Оно в двух шагах от администрации города. В небольшом кабинете на втором этаже ее встретил молодой человек приятной наружности в штатском.

– Воронин, – отрекомендовался он.

– Очень приятно! А я – та самая Панина, которую вы с утра хотите... – Светлана сделала еле заметную, в долю секунды, паузу, – видеть.

– Присаживайтесь, – улыбнулся фезбешник.

– Спасибо. – Светлана села на стул рядом с приставным столиком и положила на колени дамскую сумочку.

Воронин объяснил причину вызова («в связи с убийством мэра»), заполнил пол-листа протокола (ФИО, где родилась, крестилась, училась и т.д.), а потом, отложив бумагу, стал спрашивать. Давно ли знакома с Силаевым («то есть с убитым»), где работали вместе, какие были отношения по службе и во вне служебное время, с кем мэр часто встречался, обращались ли к нему с просьбами предприниматели, в том числе свои и иногородние, и т.д. и т.п. Иногда Воронин задавал, казалось, совсем не значащие вопросы, к делу не относящиеся. Порой повторялся, спрашивая про то, о чем Панина уже сказала. В общем, как выражалась Светлана, «про окружную железную дорогу». Неожиданно комитетчик впился взглядом в женщину:

– У вас были с Силаевым близкие отношения?!

Светлана растерялась.

– Что значит, «близкие»?!

Воронин не отводил взгляда от ее лица.

– Ну, какие бывают у мужчины и женщины!?

Панина отвела глаза.

– Вас и это интересует?

– Нас все интересует!

– Ну у вас и служба! – Света вводила разговор в сторону, но Воронин гнул свое:

– Впрочем, можете играть в молчанку, у нас есть аудио и видеозаписи. Кабинет Силаева был оборудован спецаппаратурой. – Он сделал ударение на слове «спец». – Можем организовать просмотр с участием широкой публики.

Светлана представила «картину маслом», что они могли видеть на просмотре своей аппаратуры, и ее охватил легкий озноб.

Фезсбешник нагло блефовал! В кабинете мэра не было не только скрытой видеокамеры, но даже телефон не поставлен на прослушку. Местные ребята тут явно не доработали. Но каким-то седьмым чутьем он уловил смену настроения женщины, ее растерянность, замешательство и пошел ва-банк. И ему выпало два туза!

Панина потянулась к сумочке, достала сигареты и, спросив разрешения, («да-да, конечно»), затянулась. Пустив первое облако дыма в сторону, взглянула на Воронина оценивающе: молодой, симпатяга, мускулы сквозь костюм выпирают, такой как прижмет...

– Николай Васильевич был тот еще ходок. Ни одной юбки не пропускал. Вот так-то! – И Светлана, повернув голову, снова выпустила дымное облако.

– Во время интима какие-то служебные дела обсуждали?

– Нет, только интим. Не до того было...

– А с кем еще встречался ваш «ходок»?

– Он – не мой. Я же сказала, таких как я, у него было ой-ой-ой. Правда, со свечкой я не стояла.

– И все же назовите, кого знаете.

– Он встречался с москвичкой, кажется, Людмилой зовут. Их фирма торгует компьютерами. Магазин в центре, он один такой, заметный.

Воронин задал еще пару вопросов и, оформив протокол, отпустил Светлану, предупредив о конфиденциальности разговора.

Шутки шутками, но к мэрству Силаева Светлана кое-какое отношение имела. Началась перестройка, а потом (как зло шутили заводские остряки) перестрелка. Лазерный завод, кормивший полгорода, начал хиреть на глазах. Большую часть помещений заводууправления позанимали офисы каких-то «оошек» и ОАО с мудренными названиями. Два цеха выкупил муниципалитет и приспособил под торговлю. От 10-тысячного коллектива осталось полторы тысячи. Да и те перебивались с хлеба на воду, потому что заказов практически не стало. Двое заместителей директора ушли в бизнес, организовав частное предприятие по изготовлению особо

крепких деталей с помощью лазерного напыления. Силаева директор держал около себя как незаменимого помощника по сохранению завода. В глубине души он надеялся, что смута и безвременье закончатся и жизнь наладится. Все вернется на круги своя. Не мог он поверить в то, что предприятие с уникальным оборудованием и квалифицированными специалистами окажется вдруг никому не нужным. Он и Силаеву все время твердил как заклинание:

– Ничего, Васильевич, надо удержать завод, а там будет и на нашей улице праздник!

Но праздником не пахло. Лазерный никак не мог встроиться в рыночную экономику. Горадминистрация прибирала к рукам заводскую социалку, поскольку заводу не на что было ее содержать. Правда, потом хозяевами детских садов, санаториев-профилакториев, турбаз оказывались московские предприниматели а не мэрия...

Панина вовремя переместилась с комсомольского кресла завода в горадминистрацию. Сначала заведовала отделом молодежной политики, а теперь рулила управлением социальной защиты населения. И у ее кабинета вечно толкались со своими бесчисленными просьбами недовольные, чаще пожилые горожане. Работалось тяжело.

Поэтому нетерпеливо ждала пятницу. В конце рабочего дня подкатывала к некогда родному предприятию, где прошла ее бурная комсомольская молодость, и поднималась в кабинет Силаева. Когда-то многолюдные коридоры были безлюдны. У Николая Васильевича даже секретарши не было. Уволилась и пошла торговать на рынок.

Эти пятничные встречи Светлана называла «достойным завершением недели». Под коньяк обсуждали городские и районные новости. А потом она быстро раздевалась и как голодная волчица набрасывалась на Силаева...

Сегодня риехала мириться. В прошлый раз они поругались. Сначала все шло по заведенному кругу. Выпили, обсудили местные сплетни. И неожиданно Светлана сказала:

– Бросай эту тошниловку. Создай какое-нибудь ЧП и работай на себя! Вон у нас и мэр, и его замы кормятся с бизнеса. Не напрямую, конечно, а через родственников. Один приватизировал хлебокомбинат, другой выкупил за бесценок районный КБО и сдает в аренду под офисы. Третий скупил земельные участки и продает под застройку. – Света достала сигарету, не спеша прикурила. – Да ты и сам все видишь. Хапают, как будто завтра конец света. А у тебя светлая голова!..

Силаев криво усмехнулся:

– Надо не ЧП создавать, а ЧК и сажать твоих жлобов.

– Они не мои! – Света выразительно взглянула на спутника. – И потом попробуй подступись к ним. – Она пыхнула в сторону сигаретным дымком. – Все схвачено, за все заплачено. Бумаги оформлены – чики-чики. А поперек встанешь – сотрут в порошок.

– Это точно. – Николай отпил минералки – Еще Адам Смит сказал, что при 300% прибыли капиталист мать родную не пожалеет. А у нынешних хватов она повыше.

– А кто этот Адам? Который с Евой что ли? – прикинулась наивной Света.

– Да нет, – улыбнулся Силаев. – Английский экономист. У него Маркс это и взял.

– Давай съездим куда-нибудь? – Света, прищурившись, посмотрела на любовника сквозь сигаретный дым.

Силаев удивлялся ее способности перескакивать с одной темы на другую: резко, без подготовки. Только что говорила про белое, а теперь спрашивает о черном. Силаева эта ее манера ставила в тупик. Вот и сейчас он вспылил:

– Сколько раз тебе говорил: никуда не поеду. У меня семья! И ты это прекрасно знаешь. Есть нормы приличия.

– А я?

– А ты – это ты! Свободна как птичка! Хочешь – в Сочи на три ночи. Или в Египет...

– Ну почему мы не можем побыть вдвоем хоть недельку? Прячемся по углам как, – она запнулась, – как малолетки какие-то!

И заплакала. Ей осточертели эти скоротечные свиданки: выпивка, одни и те же разговоры, диван. И разбегание по домам. А там Панину поджидало одиночество и холодная постель. Но и бросить все, изменить свою жизнь Светлана не могла: так прикипела к Николаю. Да и где сейчас найдешь порядочного свободного мужика? Пьянь, рвань да отморозки. Но и этот хорош: чуть что – грубит, оскорбляет. Что я ему, шваль подзаборная? Панина плакала тихо, без рыданий и всхлипываний, промокая салфеткой слезы.

Николай приобнял ее:

– Ну успокойся! Мы же сто раз говорили на эту тему. Семью не брошу, дети у меня. Если тебя что-то не устраивает – давай...

Он не договорил. Ему и самому не хотелось расставаться. Она добрая, по-житейски мудрая женщина, и в то же время с ней как-то просто и легко. Николай тоже привык к ней и ждал этих скоротечных свиданий с нетерпением словно наркоман очередной «косячок». Нет, у них кроме плотских утех было что-то еще. На любую тему могли говорить, понимая друг друга. Но большего Николай дать ей не мог. Ее попытки оторвать его от семьи раздражали и оттого иногда срывался на грубость.

Пауза затянулась. Николай потянулся к бутылке коньяка.

– Давай...посошковую и по домам. Поздно уже. – И разлил остатки напитка в рюмки.

Света высоко подняла рюмку, разглядывая янтарную жидкость на свет. Повернулась к Николаю:

– Левак укрепляет брак?

Силаев выпил коньяк.

– Вот именно... – И встал из-за стола.

После ссоры прошла неделя. А сегодня у Светланы было хорошее настроение. Утром ее вызвал мэр и сказал, что его зам по социалке уходит на пенсию и что Панина – в числе кандидатов на замещение этой должности.

«Наконец-то!» – обрадовалась Света. Ее обрадовал не столько замаячивший более высокий пост, сколько то, что эта старая карга больше не будет придирается к ней по всякому поводу. «Скоро семьдесят, о вечном пора задуматься, – со злорадством подумала об уходящей начальнице Света, – а ее от корыта не оттащишь». И поблагодарила градоначальника, который, разговаривая с ней, косил глаза на ее глубокое декольте.

...Поставив на стол пакет с провизией и сбросив легкую курточку, Панина улыбнулась Николаю:

– Ну что, «достойно завершим неделю»?

У Силаева настроение было не ахти. Зина стала выговаривать за частые выпивки и вечерние задержки. Она не понимала, что можно делать вечерами на полудохлом предприятии? А она и на работу бегай, и с детьми управляйся, и квартиру убирай. И все в одни руки. Одно хорошо: Зина, по совету Николая, ушла с завода и теперь заведовала детсадом. Так что Санька с Манькой и на работе были у нее под присмотром.

Силаев возражал, что завод хоть и чахлый, но их кормит, Зинина зарплата не ахти какая. Так что претензии не принимаются. И в качестве примирения прочитал из Высоцкого: «На грубость, Зина, нарываешься!..»

– Что такой кислый? – Панина игриво потрепала Николая за ухо.

– А чему радоваться?..

– И все равно: выше голову, товарищ! – Света опять настроилась на шутовскую волну.

Потом они выпили. По случаю хорошей новости о возможном повышении Панина принесла бутылку виски. Николай порадовался за нее: пустячок, а приятно.

Силаев, поначалу встретивший подругу настороженно (мало ли какой у нее бзик сегодня, в прошлый-то раз разревелась ни с того ни с сего), после выпитого виски повеселел. Панина как бы между прочим опять начала склонять Николая сменить работу. Но тот отнекивался.

Как бросить завод, когда столько связано с ним. Уйди он с директором, и все растащат: станки на металлолом, а цеха под торговлю или в аренду. И так москвичи уже не раз подъезжали с заманчивыми предложениями. В глубине души он тяготился нынешним положением. Заказов нет и просвета не предвидится. По зарплате и налогам нарастают долги. Дальше будет только хуже. А Светлана продолжала гнуть свое:

– У нас под зама главы по жизнеобеспечению прокуратура копает. Наверное дождут...

– Это который все земельные участки в городе скупил?

– Нет, участки у предкомзема. А этот приватизировал горводоканал и электросеть.

– Ну, так пусть поменяет канары на тюремные нары! За все в жизни надо платить!

– Согласна. – Светлана достала из лежащей на столе пачки сигарету. – Вот и приходи на его место! Производство знаешь и в коммуналке разберешься. Да и в городе о тебе неплохо говорят.

Силаев взглянул на Светлану с явной неприязнью:

– Ты вроде неглупая женщина, а... дура! В администрацию берут своих и наших, а я кто?

– У меня нормальные отношения с главой. Давай поговорю насчет тебя...

Николая задел покровительственный тон и он неприятно хохотнул:

– А может, ты уже договорилась с ним... через диван?..

Светлана обожгла его взглядом. Коричневые зрачки ее еще больше потемнели. Она медленно встала, взяла сумочку, бросила в нее сигаретную пачку.

– Дурак ты. И кончишь плохо...

И медленно побрела к двери.

– Ты вроде не жаловалась!.. – Грубо и зло бросил он вслед.

Этими грубыми словами, которыми он сейчас оскорбил Панину, его самого припечатали однажды в далекие студенческие годы.

Как же прекрасно было то время! В группе Николая училось тридцать шесть человек. После первого курса отсеклось десять. За учебу спрос был строгий: никакого разгильдяйства или пропусков занятий. От имени преподавательского состава аббревиатуру МВТУ студенты, шутя, расшифровывали так: «мы вас тут угробим». Правда, было и другое определение: мужество, воля, труд, упорство. Таких, мужественных и упорных, к концу учебы оставалось в группе два десятка.

На энергетическом факультете их группа была, пожалуй, самая толковая. В разных курсах неизменно в числе лучших. Лучший аккордеонист Юрка Королев из города Ливны Орловской области; художник-самородок с Урала Витек Миронов; Олечка Некрасова из города Арзамаса – круглая отличница, умница и заводила во всех студенческих делах; и он, Колька Силаев – штатный стихоплет на все случаи жизни.

О Юрке Королеве надо сказать особо. Недаром он был родом из города ливенских гармоней. До МВТУ учился в музыкалке, однако, проучившись два года, бросил. Но и за это время в совершенстве овладел инструментом. Когда брал в руки аккордеон, все замирали. Как же он играл!..

В их комнате в общежитии на Лефортовской частенько собиралась молодежь. Отмечали дни рождения, сдачу экзаменов – да мало ли поводов у молодых и красивых! Приходили ребята с других факультетов. Лариска Маркина с конструкторского не пропускала ни одного сбора. И всегда просила Юрку сыграть «На тот большак, на перекресток». Тот не кочевряжился. У Некрасовой был свой «хит» – «На Муромской дорожке стояли три сосны»... Девчонки душевно пели, остальные им подпевали. Перед последним аккордом Юрка ногтем указательного пальца проводил сверху вниз по клавишам и там, внизу, растопырив пальцы, легко касался пятерней черно-белых планок. Инструмент издавал аккорд, венчавший всю мелодию, от которого теплела душа и замирало сердце. На две-три секунды замирала и студенческая компания,

как будто удивленная тем, что на их глазах произошло маленькое чудо. На ровном месте, как бы из ничего. И вот этого аккордеонного короля крепко обидел Колька Силаев.

Студенческие посиделки не обходились без стихотворных спичей Силаева. Они у него были всегда к месту и в тему. Особенно нравились посвящения девчатам. Лене он говорил про самые стройные колени, Свете – про самые красивые глаза на свете, Люде – про прекрасные груди. Стих, посвященный Леоновой Люде, выучил наизусть весь курс. А студентки переписывали его в тетради. Николай и сейчас по происшествии стольких лет, помнил его от первой до последней строчки.

Что делать мне – скажите, люди!

Мои сорвало якоря.

Вы видели у Люды груди?

Не видели? Ну вот и зря!

И ни крючков, ни сбруи тесной,

Под кофточкой такой уют!

Они в душе моей небесной,

Как колокольчики, поют...

Ну и далее в том же духе.

По Юрке Королеву сохли многие девчонки, а он влюбился в красавицу курса Леонову с приборостроительного. Она была его землячкой из Мценска. Студентки Людку тихо ненавидели, а Юрке все прощали за классную игру.

Поначалу у Леоновой с «королем» все шло путем, многие думали, что дело – к свадьбе. Но потом красотка (у Лескова она героиня кровавой драмы) вильнула хвостом и попала в Колькины объятия. А Юрка снова стал предметом воздыхания молоденьких «бауманок». Но как только Люда стала намекать на семейную жизнь, Николай вспомнил пассаж из Аркадия Райкина: «Сигизмунд, остановись, что ты делаешь!» И Силаев позорно бежал, оставив красавицу с израненной душой и разбитым сердцем. Получилось как в поговорке: «поматросил и бросил»...

Людмила опустила крылья и стала похожа на подбитую птицу. Никто из парней на нее особенно не обращал внимания, и с Юркой у них так ничего и не склеилось. Вот тогда-то на одной из студенческих вечеринок Королев и припечатал Силаева:

– Стишки твои пошлые, и сам ты плохо кончишь!

Каждый понедельник в Приокске проходила оперативка по расследованию уголовного дела об убийстве мэра. Руководитель следственной бригады подполковник Емелин докладывал, что сделано за предыдущую неделю. Опросили жителей близлежащих домов, определен круг лиц, с которыми накануне встречался Силаев. Изучили записную книжку, ежедневник. Но ниточка, потянув за которую, можно было раскрутить весь клубок, не нащупывалась.

Фээсбешники отрабатывали контакты Силаева с московскими предпринимателями. Здесь маленькая зацепка наметилась. За два дня до убийства мэра встречался с московским бизнесменом Быковым, известным в криминальных кругах под кличкой Бык. Сразу же после убийства тот улетел на испанский курорт на острове Тенерифе. В турагентстве пояснили, что путевка тридцатидневная. Связались со столичными коллегами, все под контролем. Как только Быков вернется, с ним поработают.

В остальном как в тумане: вопросов много, а ответов кот наплакал. Свидетелей нет, улики, за исключением гильзы от ПМ, – тоже. Самого пистолета нет. Хотя киллеры, как правило, оставляют оружие на месте преступления. Видя, что следствие топчется на месте, областное начальство перестало ездить в Приокск. В оперативках участвовали заместители...

Недели через три после убийства губернатор позвонил облпрокурору.

– Федор Иванович, заехал бы ко мне, поговорить надо.

– Без проблем, Василий Петрович. Сегодня в четырнадцать устроит?

– Вполне.

Формальным поводом для разговора была предстоящая коллегия облпрокуратуры. Но главное – губернатор хотел подробно расспросить Сизова о расследовании резонансного убийства. Время идет, а сдвигов никаких. О чем довольно едко время от времени напоминают губернские СМИ.

Сизов пришел ровно в два. Губернатор пригласил его за приставной столик, сам сел напротив. Закурил «Мальборо», а гостю, зная его пристрастия, предложил кубинские сигары. Прокурор не отказался.

Губернатор подождал, пока прокурор раскурит сигару, потом взял со стола несколько листов, скрепленных степлером.

– Федор Иванович, в пятницу у вас коллегия, хочу в ней поучаствовать. Мой отраслевой департамент подготовил справку, давайте сверим наши позиции.

И передал материал прокурору. Сизов прочитал справку Бегло проанализировал криминальную обстановку в регионе за полугодие. Губернатор ждал, когда прокурор заговорит о приокском деле, но тот как будто забыл о нем. Тогда Назаров как бы невзначай спросил:

– А что у нас с убийством Силаева? Хоть какие-то подвижки есть?

Сизов затаился и стряхнул пепел от сигары в пепельницу. Потом посмотрел на губернатора.

– Василий Петрович, вам честно сказать или как?

Назаров улыбнулся.

– Конечно, разве прокурор может по-другому?

– Знаете, – прокурор пыхнул сигарой, посмотрел на удаляющееся облако дыма, перевел взгляд на Назарова. – Чем глубже мы копаем это дело, тем больше в нем грязи...

– Это касается Силаева?

– Ну, не нас же с вами!

– Деньги, женщины, криминал?

– Всего хватает. Да и то мы, может быть, и половины не узнаем...

Спустя две недели после скандального расставания Силаев позвонил Светлане. Обычно, перед пятницей Панина сама звонила любовнику, и они определяли время и место. Чаще это был кабинет Силаева, но иногда они уединялись в заводской квартире для приезжих гостей. Этот вариант был, хорош. Но ключи от квартиры имелись у консьержки, которая следила за порядком. И это напрягало. Прошлая пятница прошла вхолостую. Звонка от Светланы не последовало. Промолчал и Силаев.

Сегодня после обеда он позвонил сам.

– Светлана Юрьевна, привет! – Он специально избрал шуточный тон, давая понять, что прошлые обиды забыты. – Хватит дуться, приезжай, соскучился...

На другом конце провода молчание.

– Ну, как? – переспросил Силаев.

– Хорошо! – отозвалась Панина. – С собой что-то захватить?

– Не надо, все есть...

В этот раз, войдя, Светлана повернула ключ в дверном замке («комсомольская привычка»! – отметил про себя Николай) и, шагнув к Николаю, бросилась в его объятия.

За коньяком Силаев вдруг спросил:

– Скажи, а когда выборы главы?

– Через пять месяцев. А что?

– Может, мне и впрямь двинуть свою кандидатуру?

«Господи, неужели созрел?!» – подумала Светлана и горячо одобрила его решение. Сказала, что почти весь город хорошо знает Силаева, особенно – заводчане. Нынешняя команда мэрии погрязла в коррупции, самоустранилась от дел, занимается только своими делишками.

Руководителем выборного штаба Силаев назначил своего зама – главного технолога завода Степана Мохова – умного и порядочного специалиста. Директор завода решение Силаева участвовать в выборах одобрил: «Один здесь останусь, как последний из магикан. Мне, старику, все равно идти некуда, да и незачем».

Предвыборную программу построили на семейных ценностях и критике действующей власти. Весь город завесили плакатами, где Силаев был с женой и детьми. На открытии заводского детского комбината, в городском ДК, на чествовании передовиков производства, в загородном оздоровительном центре.

Светлана была «засланным казачком» в городской мэрии. Сливала компромат. Оказывалась, деньги от аренды муниципального рынка, что находился в одном из заводских цехов, шли не в городскую казну, а через подставную фирму – в офшоры. Об этом протрубили местные печатные и эфирные СМИ. Силаевские штабисты тиснули большим тиражом разоблачительный спецвыпуск. Разразился скандал. Главу попросили через СМИ назвать владельцев тайных счетов, но он отмолчался. Значит, решили горожане, знает кошка, чье мясо съела. И Силаев, хотя и позиционировал себя как независимого ни от какой партии кандидата, победил с большим преимуществом. За него проголосовало более семидесяти процентов жителей Приокска, пришедших на избирательные участки.

Для прежних руководителей города итоги выборов стали полной неожиданностью. Похоже, они не очень озаботились запасным «аэродромом» – настолько были уверены, что останутся на «хозяйстве».

После официального объявления результатов прежний глава встретился с Силаевым, чтобы обсудить порядок передачи власти. После того, как обо всем договорились, экс-мэр попросился к Силаеву в заместители. По любому направлению. «Надо же, – подумал Силаев, – любую должность дай, лишь бы остаться при власти!» А «вслух» сказал отставнику, что, мол, люди меня не поймут, ведь за вас проголосовало всего 12 процентов избирателей...

Вступив в должность, Силаев, почти полностью сменил команду. Первым заместителем (на жизнеобеспечение) поставил Мохова. Панина стала замом по социальным вопросам. Руководство аппаратом отдал сослуживцу – начальнику цеха Сергею Морозову, который в бумажном деле был как рыба в воде, к тому же – толковый организатор. Из прежних кадров оставил только председателя комитета по управлению муниципальным имуществом Валентину Пронину. Она была порядочным специалистом, как могла сопротивлялась махинациям прежнего мэра и его приближенных. Но силы были не равны.

Силаев начал наводить порядок в городском хозяйстве. Отодвинул фирмы и фирмочки, которые, словно пиявки, сосали муниципальный бюджет. Прониной поручил разобраться с городским имуществом, особенно с земельными участками, которые были приобретены на сомнительных аукционах. Вскрылись незаконные налоговые льготы для отдельных коммерческих организаций.

Что тут началось! Словно в спящий муравейник воткнули осиновый кол. К Силаеву косяками потянулись ходоки. «Как же так! Мы всегда получали деньги из бюджета, а потом рассчитывались с поставщиками!» – «А теперь мы сами будем это делать. Без посредников!» – «По какому праву вы отбираете земельный участок?» – «А потому что он приобретен без торгов!» – «У нас договор на пять лет о налоговых льготах!» – «Он незаконный, мы его оспорим в суде».

Панина как-то сказала:

– Зачем ворошить осиное гнездо? Пусть сосут, раз прилипли.

- Ты с ума сошла, это же треть бюджета!
- Недовольных много. Шипят, грозятся.
- А мне по барабану!

В пятницу в конце дня зашел Морозов и показал две анонимки с угрозами: умерь прыть, иначе... и многоточие. По внутреннему позвонила Светлана. Он снял трубку.

- Нет, этот вопрос обсудим в понедельник!

У них была договоренность: если встреча срывалась – говорить об этом по телефону нельзя (вдруг прослушка!), и тогда следовал вот такой зашифрованный ответ.

Нельзя сказать, что анонимка напугала, но настроение подпортила. В основном, из-за того, что сорвалось свидание. Он тут же позвонил начальнику горУВД и попросил приехать к нему сейчас же. Тот появился через десять минут. Силаев передал анонимки милиционеру и попросил «покопать». Тот поморщился:

- Николай Васильевич, – это «дохляк»!
- Слушай, Петухов, я же не прошу тебя бросить все и заниматься только этими подметными писульками! Но ты возьми на заметку!

Когда ушел начальник милиции, Силаев поручил управделами никому не показывать такие анонимки, а докладывать ему лично. Он взглянул на часы: без пяти семь.

- Все, Сергей, по домам!

Николай оделся и пошел к выходу, когда зазвонил телефон. Обычно трубку брала секретарша, но ее уже два часа как нет. Уходя, она переключала городской номер на мэра. Кому приспичило в такое время звонить? Он заколебался: взять трубку или уйти, не ответив? А вдруг что-то серьезное, а впереди выходные дни? Силаев переключил рычаг:

- Слушаю.

На другом конце что-то захрипело, а потом послышался радостный голос:

- Николай, дружище, привет! Напряги мозги: это Виктор Брагин с «ходиков!»

«Ходиками» называли студентов бауманки с приборостроительного факультета, потому что там имели дело с часовыми механизмами. И Витьку он хорошо помнил по студенческим вечеринкам.

- Ну что, вспомнил?! – спросил Брагин.

- Здравствуй, Виктор. Я тебя и не забывал!

– Вот и отлично! Слушай сюда! – У Витьки была такая привычка: когда он к кому-нибудь обращался, всегда говорил: «слушай сюда». – Надо встретиться и поговорить! Тем более, у меня для тебя сюрприз. Я завтра подъеду – скажи, в какое время! Только не рано – я же из Москвы.

- Хорошо, в двенадцать в мэрии.

- Договорились!..

Силаев пошел домой пешком. Зимний вечер был тихий, с легким морозцем. Редкие снежинки, кружась, прилипали к воротнику замшевой куртки. Ветки деревьев от налипшего снега были похожи на белые трубочки. Николай забыл про подметные письма и, неторопливо шагая по вечернему Приокску, погрузился в светлые воспоминания студенческих лет. Все-таки это были прекрасные годы! Несмотря на экзамены и зачеты, семинары и коллоквиумы, которые иногда крепко напрягали, то время было озарено счастливой молодостью, ожиданием большой самостоятельной интересной жизни.

В субботу с утра Силаевы всем семейством посетили гастролировавший московский зоопарк. А около полудня Николай, отправив Зину с детьми домой, пошел в мэрию. Вчера, уходя домой, он предупредил охрану, что завтра у него будет посетитель. Войдя в здание, поинтересовался: был ли кто? Никто не был. Силаев поднялся в кабинет, включил телевизор. Передавали дневные новости. В Саратове крупная авария на теплосетях, на центральный район надви-

гается снежный циклон. «Надо предупредить коммунальщиков», отметил про себя Силаев. Зазвонил телефон с поста охраны.

– Николай Васильевич. К вам посетители!

– Кто?

– Брагин Виктор Петрович с дамой. Пропуск оформлен только на Брагина.

– Пропусти обоих!

Через минуту в кабинет без стука вошел Виктор. Он был в кожаном пиджаке, таких же брюках, черной рубашке с расстегнутыми двумя верхними пуговицами. На шее толстая цепь с внушительным крестом. Мужчины обнялись.

– Извини, запоздали немного, дорога неважная! – Виктор развел руки, как бы говоря, что он тут ни при чем, погода подкачала.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Николай. – Садись! – указал он на кресло у приставного столика и тут же спохватился: – Вас же двое?!

– Коллега! – крикнул в неприкрытую дверь Витька. – Прошу сюда!

Дверь бесшумно приоткрылась и в кабинет вошла... Людка! Людмила!

Она была в шикарном черном брючном костюме, ярко-красная легкая кофточка прекрасно гармонировала с темным нарядом. Верхняя серебристая пуговичка кофточки была как бы небрежно, но не вызывающе, расстегнута и чуть ниже угадывалось то, о чем Силаев давным-давно сочинил стихи, которые выучил наизусть весь курс. Людмила изменилась мало. Правильные черты лица, безупречная прическа, ногти поблескивают перламутром, на безымянном пальце левой руки колечко с ярким рубином. На правой – пусто. Николаю показалось, что она стала еще красивее.

– Привет! – Шагнул навстречу Николай, – действительно, сюрприз!..

– Да. – Людмила смущенно улыбнулась. – Вот Виктор уговорил на эту поездку.

– И правильно сделал! – Виктор шумно поднялся с кресла. – Сто лет не виделись, и это дело надо отметить!

Силаев, было направился в комнату отдыха, там в шкафу была бутылка коньяка, конфеты, печенье. Но Брагин остановил:

– Не суетись, мы же не с пустыми руками!

Он взял стоявший около кресла портфель и, раскрыв, извлек бутылку «Хеннесси», нарезки копченой колбасы, красной рыбы, апельсины, лимоны, увесистую кисть винограда, дорогой сыр.

За выпивкой расспрашивали друг друга о жизни после окончания «бауманки». Виктор лет пять работал на одном из тульских предприятий ВПК. Потом ушел в бизнес. Начинать с торговли «левой» водкой, бытовой техникой, а сейчас – коммерческий директор крупной фирмы, продающей компьютеры. Людмила помывкавшись по «почтовым ящикам» на Орловщине, так ни за что и не зацепилась. Торговала косметикой, БАДами. Но вскоре это осточертело, так как пахивало мошенничеством. Вот уже пять лет работает у Виктора ведущим менеджером.

– Ну а ты-то как?! Вижу неплохо устроился! – Виктор взглянул на бывшего однокашника.

– Работал на заводе, дослужился до первого зама директора. А теперь вот глава города. – Николай глотнул минералки. – Кстати, а как вы меня разыскали?

– Обижаешь! – Виктор налил всем коньяку, а себе только чуть освежил («я ведь все-таки на «тачке»). – Позвонили в профильный департамент вашей обл администрации. Там и дали телефон. Так что приехали к тебе с конкретным предложением...

И Виктор обрисовал ситуацию. Дела у их фирмы неплохи, компьютеры – товар ходовой, связи с поставщиками налажены. Но надо думать о завтрашнем дне. То есть расширять рынки сбыта. В Приокске конкурентов практически нет, случайная мелюзга.

– Начнем с вашего города. Если дело пойдет – выйдем на облцентр. – Виктор посмотрел на Николая – Ты как думаешь? – И, не дав тому раскрыть рта, добавил: – Тут нужна твоя небольшая помощь...

Силаев слушал Виктора, кидая украдкой взгляды на Людмилу. Выглядела она весьма соблазнительно. Неожиданно Николай предложил:

– Слушайте, а что вы так спешите? Ночуйте, у нас хорошая гостиница. Я вам город покажу, здесь есть что посмотреть.

Гости согласились, словно ждали этого предложения. Выпили коньяк. Николай позвонил в гостиницу, забронировал два одноместных номера. Потом – домой, предупредил, что задержится по работе. И они поехали осматривать Приокск.

В гостиницу вернулись под вечер. Виктор расположился в «люксе» на втором этаже. Номер Людмилы оказался на четвертом. Николай на правах хозяина вызвался проводить даму. Через полчаса договорились встретиться в ресторане.

Открыв дверь, Николай прошел в номер и поставил дорожную сумку госты у прикроватной тумбочки. Повернувшись, он чуть не налетел на Людмилу. Между ними почти не было расстояния. Она тихо коснулась руки Николая и чуть сжала ее.

– Ну, здравствуй, Коля!..

Людмила снова приехала в Приокск через неделю. Одна. К этому времени Пронина по поручению Силаева подобрала приличное помещение в центре города. Его месяц назад освободили местные предприниматели, торговавшие продуктами, но не выдержавшие конкуренции с соседним супермаркетом. На освободившееся помещение тут же нашлись охотники из Москвы. Они предложили разместить торгово-офисный центр. На первом этаже – магазин бытовой техники, а второй в арендуемые под офисы и мелкие конторки. Силаев обещал подумать. И вот объявились Брагин с Людмилой. Ну как не порадовать бывшим однокашникам! Тем более, они учли и его личный интерес... Впрочем об этом Николай тогда меньше всего думал. Да и вину перед Людмилой за то, что «поматросил тогда и бросил» хотелост как-то загладить. Ведь, по сути, бросив в молодости, он исковеркал ей жизнь, раз она до сих пор одна.

А те сумасшедшие полчаса в гостинице неделю назад так вскружили ему голову, что кровь забурлила, как вода в горной речке. Тогда за ужином в ресторане они и обговорили детали предстоящего сотрудничества. И вот Людмила приехала с готовыми бумагами для оформления сделки. Брагин улетел то ли в Гонконг, то ли в Сингапур улаживать дела с поставщиками, а Людмилу командировал в Приокск. Он не сомневался, что здесь все срастется в лучшем виде. Отправляя ее в дорогу, напутствовал:

– Вот договора, юрист все проверил. Но на всякий случай возьми вторую печать, если что – поставишь за меня закорючку – и вся недолга. Хотя вряд ли. – И немного подумав, как бы спохватившись, с легкой улыбкой взглянул на Людмилу. – Да, долго там не задерживайся. Думаю, двух дней тебе хватит...

И снова чуть заметно улыбнулся. Вот и гадай: на что он отмерил эти два дня – на оформление документов или на что-то еще...

Договора действительно были оформлены в лучшем виде, ничего исправлять не пришлось. К обеду документы были готовы. Силаев поинтересовался у Людмилы насчет дальнейших планов. Та пожала плечами. Тогда он взял инициативу в свои руки.

– Город ты уже посмотрела, а вот загородный охотничий домик не видела. Давай съездим, там и отметим начало вашего предприятия. Как?

– Согласна.

Силаев вызвал шофера и отправил Людмилу на вокзал купить билет на завтрашний поезд, а сам позвонил начальнику городской службы ГО Валентину Кузнецову. Валентин – свой человек, он был негласным распорядителем охотничьего домика. Когда надо было встре-

тить гостей, сварганить шашлык или ушицу, Николай поручал это Кузнецову, и тот все организовывал отменно. Домик только назывался так скромно. На самом деле это была красивая 2-этажка на берегу живописного Святого озера. Толстые сосновые бревна снаружи обработаны коричневой противопожарной пропиткой, а внутри отделаны вагонкой и покрашены светлым лаком. На первом этаже – кухня, просторный обеденный зал, сауна с небольшим бассейном. Второй этаж занимали несколько гостиничных номеров.

Силаев попросил Кузнецова протопить домик и приготовить ужин на двоих, а ключ вечером завезти ему. Зинаиду предупредил: к вечеру уедет по делам в область. С ночлегом.

Людмила, осмотрев домик, пришла в восторг.

– Я думала, здесь избушка на курьих ножках, а тут настоящая вилла! И как все оформлено!

– Это наша бывшая заводская база отдыха. В трудные времена продали муниципалитету.

Силаев заглянул в сауну. Она была еще теплая. «Молодец Валентин», – отметил про себя Николай. Ему осталось только чуть подогреть, и он шелкнул температурным тумблером. Людмила стала сервировать небольшой столик на кухне...

Когда выпили и за встречу, и за процветание бизнеса на приокской земле, Николай попросил:

– Расскажи о себе, ведь мы так толком и не поговорили...

Людмила откусила кусочек сыра, запила персиковым соком, потом, взглянув на Силаева, снова отпила из фужера.

– Да и рассказывать-то особенно нечего. Про работу ты знаешь, а остальное... – она опять посмотрела на Николая. – Остальное – так себе. Личная жизнь не задалась.

И она замолчала, задумавшись о чем-то своем. Может, вспомнила эту самую личную жизнь. Николай тихонько коснулся ее руки.

– И все же?

Людмила ответно погладила его руку.

– Вышла замуж сразу после учебы за местного парня. Он занимался мелким бизнесом, торговал кондитеркой. Сначала вроде все шло нормально, а потом компаньон его кинул. Банковские кредиты повесил на моего, а сам сбежал. Пришлось продать квартиру, машину, чтобы погасить долги. Торговля зачахла. Муж начал пить. Терпела сколько сил хватало, а потом развелась и ушла к родителям. Расстались без битья посуды, благо делить нечего: детей нет, а имущество почти все размотали. – Людмила отпила глоток сока. – А потом случайно встретила Брагина. Вот и вся моя одиссея. – Немного помолчав, встrepенулась: – Давай выпьем, ну их – эти воспоминания?!

Они выпили коньяку, чокнувшись рюмками так, что хрусталь запел как церковные колокола. Потом Николай предложил:

– Пошли в сауну, я и бассейн наполнил.

– У меня купальника нет.

– А зачем он? Мы же одни!

– И то правда...

Силаев ввел такой порядок общения с горожанами: каждый понедельник с 10 до 13 часов личный прием. Раз в месяц – «прямая линия» с населением. Любой житель мог позвонить по указанному в местной газете телефону и задать волнующий вопрос главе города. Это, как подчеркивал Силаев, обеспечивало непосредственную связь людей с властью. От своих заместителей и чиновников рангом ниже он требовал того же.

Поначалу и приемные часы, и время общения по телефону не выдерживались. Народ валил толпами, телефоны разрывались от звонков. Прежняя власть ничего подобного не практиковала. Получив свободный доступ к чиновником, люди ринулись решать свои большие и

маленькие проблемы. Года два ушло на расчистку «авгиевых конюшен», когда Силаеву приходилось самому вмешиваться в пустяковые проблемы, чтобы поставили дверь в подъезде, заменили пару листов шифера на крыше, отремонтировали водопроводную колонку. Но постепенно, накручивая «хвоста» городским службам, он приучил их работать оперативно и не разводиться волокиту. Кое-кого уволили. С безответственностью и безнаказанностью в управлении ЖКХ было покончено. С помощью кнута и пряника мэр заставлял частных ремонтников ремонтировать и прихорашивать принадлежащие им магазины, офисы, конторы. Неслыханное дело – зимой тротуары аккуратно очищались от снега и льда.

Теперь горожане шли к Силаеву только по крайней нужде для решения важных проблем. Но он все так же еженедельно проводил приемы и каждый месяц общался с горожанами по телефону. Местные СМИ подробно освещали все это.

...В понедельник, придя утром на работу, Силаев уточнил у секретарши, если ли кто на прием. «Да, ответила та, записалось три человека

Первым в кабинет с трудом зашел участник Великой Отечественной войны. Живет один, бабка померла, дети на Севере. В квартире потек унитаз, а чтобы заменить, плати, говорят, дед денежку, так как квартира приватизирована. Вот и ответ прислали письменный на бланке с синей печаткой. Неужели я не заслужил, чтобы унитаз бесплатно поставили?

Силаев посмотрел бумагу. Подписана начальником городского управления ЖКХ. Нажал кнопку, включил громкую связь.

– Слушаю, Николай Васильевич! – донеслось громко из динамика.

– Зайцев, ты неделю назад направил ответ ветерану войны о замене унитаза. С отказом, помнишь?

– Да, ведь у него квартира приватизирована. По закону...

– По закону ты прав, а по совести – нет, – перебил его Силаев. – Он кровь за нас с тобой проливал, а ты торгуешься как барыга. Посмотри, он же на Заводской улице живет, там рядом магазин «сантехника». Напиши письмо директору, можешь за моей подписью, в порядке шефской помощи... Через неделю доложи!

– Будет сделано, Николай Васильевич!

Силаев выключил селектор, взглянул на ветерана.

– Слышал, гвардия?! В течение недели будет у тебя новый унитаз!

Дед поднялся, слегка поклонился Силаеву:

– Спасибо, сынок! На тебя вся надежда, а то все законом каким-то страшат.

Затем вошел мужчина лет шестидесяти, небольшого роста, лысый. У него проблема с сыном. Приехал из Молдавии, хочет остаться здесь жить, но на работу не берут, нет регистрации. Пошел в милицию, оттуда прогнали, ничего не объяснив.

– Вам не сюда надо, а в миграционную службу. – Силаев включил селектор. – Лена, соедини меня с Фроловым из миграционной.

Повернулся к посетителю:

– А чего сын не ходит, это же его проблема?

Мужчина молча махнул рукой.

– Пьет что ли?

Тот опять молча кивнул.

– Все ясно.

Зазвонил телефон, Силаев взял трубку:

– Вадим Николаевич, тут у меня посетитель по твоей части. Я его к тебе направлю, пусть твои специалисты примут и объяснят что к чему. Договорились? – Положил трубку и к лысому – Идите в миграционную службу, там все объяснят.

Вошли два бритоголовых амбала в кожаных куртках. Руки в татуировках, на пальцах золотые печатки. Без приглашения по-хозяйски сели напротив. «Только этих мне сегодня не

хватало!», досадливо подумал Силаев. Он собирался поскорее закончить прием и к одиннадцати часам проехать на строящийся кирпичный завод, провести совещание со строителями. А тут, видимо, короткого разговора не получится.

– Слушаю вас, – сухо бросил глава.

Мужчины отрекомендовались. Один руководитель московской инвестиционной компании («бывший бандит», отметил про себя Силаев), а другой директор по персоналу и охране информации («старший киллер», заключил мэра). По рассказу бритоголовых расклад такой. Их компания готова вложить немалые средства в предприятия города с целью, так сказать, их модернизации. Их интересует макаронная фабрика, хлебокомбинат, ликеро-водочный завод, далее завод по производству лазеров. Можем, предложили ходки, предоставить кредит для покрытия долгов по зарплате и налогам.

Что касается лазерного завода, пояснил Силаев, вам надо договариваться с его руководством. Ликерку не трогаем вообще. А вот по хлебокомбинату и макаронной фабрике можно подумать.

– Где гарантия, что через год вы их не обанкротите и не перепрофилируете под офисы или торговые площадки? – прямо спросил Силаев.

– Таких гарантий вам не даст никто. Посмотрим, как дело пойдет, – сказал один из визитеров.

– Нам не подходят ваши условия. Что еще? – Силаев дал понять, что пора подводить черту. Посмотрел на часы: без пятнадцати одиннадцать.

– Еще нам нужен участок земли пару гектаров с коммуникациями.

– Подо что?

– Построим торгово-офисный центр.

– Оформляйте заявку и – на аукцион.

– А без аукциона?

– Нельзя. Для всех порядок один.

– Но вы же московским хмырям под компьютерный магазин оформили без аукциона!

– Они согласились на условия, выгодные для города.

– Какие?

– Не обсуждается.

– Давай мы тебе лично создадим условия. И очень выгодные?! – предложил один из бритоголовых.

– Мне ничего не надо.

– Ты чего такой несговорчивый? Здоровья много?

– Ты меня не пугай! Много тут было пугальщиков. Пока живы!

– Вот именно, «пока»!

– Наш разговор записывается! – Силаев постучал по тумбе сбоку стола. – Все, свободны!

В пятницу после обеда Светлана позвонила Силаеву по прямой связи:

– Николай Васильевич, надо два документа подписать. Можно?

– Заходи!

Войдя в кабинет мэра, она прошла и села за приставной столик. Папку с бумагами положила перед собой. Силаев разговаривал по телефону. Положив трубку, справился о самочувствии. Николай чувствовал свою вину перед Светой, и давал понять, что их отношения остаются прежними.

Дело в том, что свидания по пятницам стали нарушаться. Вернее, облом случался только для Светы, а у Николая все шло своим чередом. Просто в Приокск зачастила Людмила. И она приезжала, как правило, в пятницу вечером. И Николаю под разными предложениями увертывался от встреч с Паниной. Он понимал, что Светлана, скорее всего, обо всем догадывается. Но рас-

суждал с позиции мужского эгоизма. Она ему не жена, отчитываться и оправдываться ему не в чем. Зинаида – другое дело. Но с ней было проще. Та понимала и принимала его отлучки «по работе» и особенно не вникала в тонкости. Муж он прекрасный, ее жалеет, в детях души не чаёт, а то, что часто задерживается и пропадает с дружескими выпивками – ну что ж, должность такая.

Побеседовав со Светланой, он спросил:

– Ну, что там у тебя?

– Ходатайство на присвоение звания «Ветеран труда» и ответ на жалобу.

– Давай посмотрим.

Пробежав документы, отметил про себя, что они составлены грамотно, и тут же размашисто расписался. Светлана не спеша сложила бумаги в папку. Специально не торопилась, выжидала, не скажет ли он что-то еще. Но Николай молчал. Тогда, уже поднявшись со стула, напомнила:

– Сегодня пятница...

Николай, конечно же, понял намек. Но не мог сейчас ничего сказать определенного, потому что ждал звонка от Людмилы.

– Свет, давай через час созвонимся. Я жду информацию из области, поэтому ничего не могу сейчас решить. Ты куда не уйдешь? Ну вот и чудненько, я позвоню.

Когда Панина вышла, Николай набрал Людмилу. Она сказала, что сегодня не приедет: заболела мать, придется мчаться в Мценск. Николай не стал сразу звонить Паниной: успеется, чего горячку пороть. Через полчаса наберу, в самый раз.

Николай набрал Панину. Они встречались у него в комнате отдыха. Тут стоял кожаный диван, холодильник, шкаф с посудой, журнальный столик с двумя креслами. А также раковина с водопроводом. И умыться можно, и фрукты помыть. Удобно.

С Паниной они не «отмечались» три пятницы подряд. Два раза приезжала Людмила, а потом были какие-то заморочки, он уже и не помнит, какие.

Света, видимо, соскучившись, была особенно жадна и изобретательна... Николай, разгорячившись, умылся ледяной водой, и они сели к столику. Выпили коньяку:

– За все хорошее?!

– Давай!

Светлана залпом осушила рюмку, бросила в рот виноградинку и потянулась за сигаретами. Закурив, пустила дым колечками. Взглянула на Николая и в упор спросила:

– Зачем тебе эта москвичка?

– Ты это о чем?

– Не о чем, а о ком! О твоей московской пассии. Кажется, ее Людмилой зовут?

– Во-первых, она не моя! Она приезжает иногда по торговым делам своей фирмы. Мы с ней учились в «бауманке» на одном курсе.

– А во-вторых?

– Во-вторых, я имею право встречаться с кем угодно! И ни перед кем отчитываться не обязан! Кроме жены. И закончим об этом!

– Я тебя не устраиваю как женщина?

– Ты меня устраиваешь во всех отношениях. Но твои допросы меня достали...

– Брось эту Людмилу!

– Опять за свое! – поморщился Силаев.

– Я у тебя на вторых ролях, на подхвате, а я хочу по-другому!

– Как по-другому? Чего ты хочешь?

– А я хочу и ласки и любви.

Быть не огарком, а свечой горячей.

Но коротки свидания твои,

Опять спешишь ты, друг мой приходящий.

Уходишь ты, ведь дома ждет жена,

Как все несправедливо в этом мире!

Ведь снова остаюся я одна.

Совсем одна в своей пустой квартире. -

Светлана с чувством приглушила голос на последней строчке стиха, которое она недавно прочитала в каком-то сборнике.– Как будто про нас с тобой, Николай Васильевич?..

– Остынь, милая! Если тебе что-то не нравится в наших отношениях, – давай изменим их или вообще...

Он осекся. Ему самому стало как-то не по себе от одной мысли, что он расстанется со Светланой. Она уже стала частью его жизни. Ведь такая длительная связь... Но и с Людмилой рвать он тоже не собирался. Это не простое увлечение, а частичка его молодости, какого-то особого тепла, которое однажды, коснувшись души, так и не остыло.

Николай встал с кресла, подошел к Светлане и, обняв ее, поцеловал в шею.

– Ты мой добрый и верный друг! Надежнее и лучше здесь у меня никого нет.

Светлана заплакала...

Николая стали тяготить частые встречи с бизнесменами, как со своими доморощенными так и с московскими. Не проходило недели, чтобы он не встречался с ними. В администрации, ресторане, на стройке или предприятии они лезли к нему со своими бизнес-планами и проектами. Особенно нагло и нахраписто вели себя москвичи. Денег у них было немеряно, и они вкладывали их во все подряд. Причем, вкладывая, не думали о последствиях, о перспективах и пользе для горожан. Пеклись только о своей выгоде. Козыряли договоренностями с прежней администрацией. В ход шли угрозы и шантаж.

Однажды, когда Брагин с Людмилой пригласили Силаева в ресторан – обмыть открытие торгового центра, ему за стол принесли записку. «С кем-то жрешь, а нами брезгуешь!» Кто – неизвестно. Передали и все. А когда вышли из ресторана, у их машины два колеса были проколоты. Пришлось вызывать на подмогу своего шофера.

В следующий приезд Людмила передала ему газовый пистолет, переделанный под стрельбу боевыми патронами. Николай сначала заартачился: зачем? Но она настояла: пригодится на крайний случай. Она сказала, «на крайняк». «Ты же не будешь им без повода размахивать. А ситуации бывают разные». С тех пор он всегда держал его в бардачке машины заряженным.

В последнее время в городе развернулась настоящая война за ликеро-водочный завод. Предприятие акционировалось и надо было его развивать. Водка и настойки с местным брендом шли, что называется, влет. При изготовлении напитков использовалась чистейшая артезианская вода с примесью серебра. Продукция завода завоевывала медали на всевозможных выставках. Но мощности предприятия ограничены, нужна новая линия, а то и две, а собственных средств нет. В городе достраивался кирпичный завод, заложили цементный. Силаев видел прекрасную перспективу этих предприятий, так как всю разворачивалось строительство. А мощности области в стройматериалах пока были малы.

Инвесторов вложиться в ликерку хоть отбавляй. Но их условия для города кабальные. Силаев пока держался. Ни обещаемые миллионные взятки, ни угрозы на него не действовали. Один особенно нахрапистый москвич пригласил Николая в свой ресторан и прямо спросил:

– Ты что, ненормальный? Тебе лично десять «лямов» отстегиваем, а ты кочевряжишься?!

– Ты телевизор – то смотришь? Месяца не проходит, чтобы мэра где-то не посадили...

– Тогда уйди! Мы другого поставим...

– Вот будут выборы – ставьте своего!

– Долго ждать, тебя же только что переизбрали!

- Тогда терпите!
- Доиграешься!..

Силаев позвонил Брагину и предложил его фирме вложиться в ликерку. Все-таки свой человек, да и Людмила, глядишь, будет чаще бывать в Приокске. Бывший однокашник предложением заинтересовался. Попросил «бросить» по факсу пакет документов. Пообещал, изучив, приехать для конкретных переговоров.

- Только не тяни, – попросил Силаев. – А то меня тут в оборот берут!
- Три-четыре дня и я у тебя. Жди звонка.

Брагин не обманул. Через три дня приехал с юристом и отработанными документами. Москвичи съездили на завод, посмотрели производство. Обсудив все детали, пришли к соглашению. Брагинская фирма выделит средства на переоборудование некоторых цехов и открытие двух новых линий по розливу. Прибыль делится поровну. На том и сошлись. На все пошло два дня. Все это время Брагин с юристом жили в гостевом доме на Святом озере, от которого были в восторге. К финалу сделки приехала Людмила. Погуляли славно. Расставаясь, Брагин пообещал чаще бывать в Приокске и обязательно привести отдохнуть жену с детьми. Именно на Святое озеро.

...В пятницу Силаев пригласил Светлану к себе с утра. На всякий случай та захватила кое-какие документы по своему ведомству. Вдруг спросит! Но Николай предложил:

– Давай махнем на Святое? Прямо сейчас! Устал я что-то. Вечером вернемся. Я сегодня на своей машине, шоферу дал выходной.

Панина не возражала. Ей осточертела круговерть на работе. Ничего не случится, если она немного развеется. Заслужила! Они обсудили план побега из города, чтобы ни у кого не вызвать подозрения. Светлана затарила пакет провизией и на перекладных выехала за окраину Приокска. Через полчаса Силаев подхватил ее, и они помчались.

День прошел прекрасно. А ближе к вечеру они поцапались. Панина снова стала ревновать Николая к Людмиле. Разгоряченная коньяком она спросила:

- Далась тебе эта Людмила! Чем я хуже?
- Света, не заводись! – осадил ее Николай.
- Я не хочу делить тебя ни с кем!

Мы же практически как муж и жена! – Она подошла к Николаю, обняла его и впиалась крепким поцелуем. От нее шибануло стойким запахом коньяка. «Пора домой», – подумал Силаев.

– Давай закончим этот бесполезный разговор!

– Мы его только начали! – Светлана села в кресло и задумчиво посмотрела на репродукцию с картины Серова «Девочка с персиком» на противоположной стене. – Ты меня не любишь... – Эту фразу она произнесла тихо, ни к кому не обращаясь.

- Я вообще никого не люблю...
- А себя? – Светлана сидела в той же позе, рассматривая картину.
- Собирайся, пора в город, уже темно...

Когда подъезжали к Приокску, Силаевскую «Волгу» на большой скорости лихо подрезала серебристая иномарка с московскими номерами.

– Вот сволочи, – выругался Николай, – Ездят, как хотят!

Немного погодя обратился к Светлане:

- Тебя к дому?
- Нет, езжай в гараж, я пройдусь... Проветрюсь немного.

Поставив машину, Николай, прикрыв гаражные двери, взял из бардачка пистолет и передал Светлане.

– Подержи. Да смотри не балуйся: спуск слабый.

Он открыл капот и стал доливать в бачок омывателя жидкость. Светлана стояла около двери. Она навела пистолет на Силаева, размышляя: «Ну, где его жестокое сердце? Хоть бы взглянуть одним глазком! С левой стороны? Нет, вот здесь, ближе к середине... Есть ли в нем хоть одна капелька крови, хоть маленькая жилка, неравнодушная ко мне?!»

В этот момент Николай стал опускать капот. Увидев Светлану с наведенным на него пистолетом, он округлил глаза:

– Я же сказал, спуск сла...

Грохнула крышка капота, и раздался выстрел. Светлана испуганно посмотрела на руку, в которой держала пистолет, а потом на Силаева. Он медленно оседал на пол, по лбу текла струйка крови.

Панина в беспамятстве выскочила из гаража и побежала прочь. Подальше от этого грома небесного. Через какое-то время ударилась коленкой обо что-то твердое. Это был мусорный бак. Она бросила в него пистолет и побежала к своему дому.

...Прошло десять лет. Благодарные земляки увековечили память своего градоначальника, присвоив его имя одной из улиц Приокска. А убийцу так и не нашли.

КОНФЕТКИ – БАРАНОЧКИ

Глава Зареченской райадминистрации Тимофей Григорьевич Трёхин разговаривал по телефону, когда в его кабинет вошли двое мужчин. Чиновник удивился неожиданным посетителям, так как никого к себе не приглашал. Нет, двоих визитеров он подждал, но позднее: на шесть часов вечера, а сейчас без десяти пять.

Те, кого он ждал, заинтересовали его своим бизнес-предложением. Они, представители известной торговой фирмы из соседнего региона, просили содействия в организации сети магазинов по продаже бытовой техники. После предварительного телефонного разговора глава прямо спросил торгашей: «А что лично я буду иметь от этого?». И они приятно удивили его, предложив половинную долю от прибыли. Обычно Трёхин брал треть... Его за глаза в районе так и прозвал: Тимоха-трёха. Он знал это, но терпел: на каждый роток не накинешь платок. «Навар» стоил того. А тут пятьдесят процентов! И, не устояв перед жадностью, он согласился на встречу, чтобы обсудить детали. Но ожидал визитеров к шести.

Трёхин продолжал телефонный разговор, который при посторонних людях начал его тяготить. Он косил взглядом в сторону нежданных посетителей и мысленно выговаривал секретарше: «Лариска совсем мышей не ловит, превратила приемную в проходной двор. Неужели домой ускакала? Ведь еще десять минут до конца рабочего дня. Завтра получит по самое не хочу, чтобы не забывала своих обязанностей».

Тимофей Григорьевич наконец раздраженно воткнул телефонную трубку в гнездо базы и, глядя на визитеров, резко бросил:

– Кто такие? Что нужно?

– Тимофей Григорьевич Трёхин? – в свою очередь спросил один из пришельцев.

– Ну, Трёхин. И что из того?

– Я – начальник отдела следственного управления при облпрокуратуре. А это, – он слегка повернулся к другому, – сотрудник регионального управления ФСБ. – Он раскрыл тоненькую папку, Трёхин только сейчас заметил ее. – Вот ознакомьтесь: постановление на ваше задержание.

– И на обыск – добавил фезсбешник.

Трёхин сделал шаг от стола в их сторону.

– По какому праву?!

– По уголовному, – усмехнувшись и как бы нехотя произнес комитетчик.

В это время открылась дверь из приемной, и в кабинет вошли еще трое мужчин. Сзади них мелькнуло испуганное лицо секретарши.

«Вот те на, – подумал глава, – а ведь как хорошо все начиналось! И сколько лет шло как по маслу!»

* * *

...Выборы главы района в середине 90-х Тимофей Григорьевич выиграл легко. Когда коммунисты провалили выборы в Думу, на местах активно стали выдавливать сторонников КПРФ со всех значимых постов.

В Зареченске уже три срока рулил бывший первый секретарь райкома КПСС Николай Болдин. В политику особо не лез, а как толковый инженер-строитель занимался хозяйственными делами. При нем в районе появился природный газ, добротные асфальтовые дороги соединили райцентр с поселками и центральными усадьбами колхозов и совхозов (теперь СПК). В Зареченске строилось много жилья, детских садов, появились свой мясокомбинат, кирпичный завод. Болдина, может, выбрали бы на новый срок. Коренной зареченец, прошедший путь от каменщика до секретаря райкома, а потом и главы района, он пользовался уважением людей. Но началась кампания против «коммуняк», и Болдин проиграл выборы сорокалетнему предпринимателю Тимофею Трехину. Тоже зареченцу, не «варягу», но молодому, нахрапистому. Злые языки поговаривали, что тимохинцы не брезговали ничем в агитации за своего. Отоваривали избирателей-пенсионеров бесплатными продуктовыми наборами, водкой. Московский спец по выборным технологиям, нанятый Тимохой, накануне дня голосования выпустил листовку от имени Болдина. Мол, стар уже, скоро семь десятков, устал и ухожу на покой, снимаю свою кандидатуру в пользу молодого. Когда этими листками завалили весь район, опровергать вранье было уже поздно. Тимоха прошел на ура. Впрочем, теперь он стал Тимофей Григорьевич, собственной персоной.

* * *

Банкет по случаю победы на выборах закатили в лучшем городском ресторане «Нептун», которым владел Тимохин друган Вася Плотников, по кличке Плотва. Он и вправду был похож на рыбину: высокий, поджарый, с выпуклыми глазами. Начальник райотдела культуры Вениамин Орлов нашел хороших музыкантов.

Во время выборов Веня сделал ставку на Трехина. Втайне от начальства помогал его штабу и сейчас старался вовсю, чтобы сохранить за собой должность. Тогда-то Тимофей Григорьевич и услышал впервые песню про конфетки-бараночки. Сначала она ему не особо понравилась. Тягучая, словно заунывная, и слова какие-то: про царь-пушку и звон колоколов, про ароматные пироги. Не фонтан! Но когда музыканты грянули припев, новоиспеченный глава встрепенулся.

Конфетки – бараночки,
Словно лебеди саночки.
«Эй вы, кони залетные!»
Слышен звон с облучка.
Гимназистки румяные,
От мороза чуть пьяные,
Грациозно сбивают
Рыхлый снег с каблучка...

И Тимоха, нет Тимофей Григорьевич, в новом костюме, при цветастом галстуке, неожиданно пустился в пляс вместе с начальницей своего выборного штаба. За ними ударились и другие. Потом к удивлению публики Веня нацепил на плечи баян и запел романс «Только раз

бывает в жизни встреча...» Пел он хорошо, душевно и играл здорово. (Недаром по культуре начальник!) А когда доходил до слов «... Только раз в холодный зимний вечер мне так хочется любить!» – приближался к Трёхину и почтительно склонялся в его сторону. Тому это понравилось, и, когда Венья кончил песню, он похлопал его по плечу:

– Молодец! Хорошо сбацал!

Венья, сняв баянные ремни с плеч, расправил их, словно крылья, выпрямился и, довольный, улыбающийся, пошел к своему столику: должность начкульта была у него в кармане.

Утром Тимофей никак не мог встать с постели. Голова с похмелья гудела, как электрические провода под током. Жена еле растормошила его:

– Вставай!.. На работу надо идти!..

Тимофей поморщился. Какая работа! Мясная лавка (так он в шутку называл свой прод-магазин) обойдется сегодня без него. Есть кому работать. Но жена напомнила, что сегодня ему идти на новую работу.

– Ах, да, ведь нынче и-на-гу-у-ра...тьфу! – Тимофей сплюнул с досады, что не может выговорить незнакомое ему слово. – По-русски не могут назвать!

Он огляделся по сторонам.

– А где джинсы?

– Какие джинсы! Ты теперь не лавочник, а глава района! Вон костюм приготовила.

* * *

Вступив в должность официально, Тимофей начал менять кадры.

Секретаршей поставил свою любовницу Ларису. Начальница выборного штаба стала его заместителем по социалке. Остальных заместителей тоже заменил, назначив своих. В кадровой перетряске активно участвовала его жена Ангелина Львовна, дочка московского генерала-штабиста. Она была баба хваткая, оборотистая. Хотя и выросла в семье с достатком, избалованной не стала. Окончив Плехановский институт и выйдя замуж за Тимоху, занималась прогнозированием экономики в Зареченском райисполкоме. Потом была на незаметных должностях в мэрии, а затем вместе с мужем ушла в бизнес.

Они имели в райцентре два магазина. В одном торговали ширпотребом, в другом – мясом. Ангелину Львовну в «Плешке» кое-чему научили. Она не задирала цены. В их магазинах они были чуть ниже, чем в других. Но этого было достаточно для того, чтобы покупатели шли именно к ним. За счет большего оборота навар был гуще, чем у тех, кому запаadlo было торговать на пятак дешевле соседа.

А тут и папаша – генерал подмогнул. Он был не только штабистом, но не чурался и бизнеса. С его помощью в магазины дочки и зятя с военных складов почти задарма везли тушенку, сливочное и растительное масло, другие продукты, у которых истек срок хранения. Раскупались они ходко, так как были хорошего качества. Конечно, делал все это тесть не за спасибо: свой процент с выручки имел.

Став «первой леди» района, Ангелина Львовна отошла от магазинных дел. Ими было кому заниматься. Она лишь проверяла бухгалтерские документы. Тут у нее не забалуешь. В остальное время помогала мужу рулить районом, став его негласным советником. В экономических делах, хозяйственных, кадровых Тимофей не принимал ни одного серьезного решения без консультации с женой. Вскоре к торговому бизнесу добавился новый доходный ручеек. Ангелина Львовна стала протезировать местным предпринимателям. Одному требовалось открыть торговую точку, другому кафешку, третьему нужно было помещение под игровой клуб – все шли к Лине (так для краткости называли ее в городе). Знали, что все решает она. Конечно, не за спасибо. И шли к ней, и оставляли «барашка в бумажке», потому что только после этого получали подпись главы на нужном документе.

Поднял этот бизнес на новую высоту тесть главы. Однажды генерал, приехав в очередной раз в Зареченск и расспросив дочку с зятем о делах, посмеялся:

– Крысятничаете да копейки собираете... Помасштабнее надо работать! Вот вам мой совет.

– Так давайте его сюда, чего ждете!? Мы таки скоро умрем от любопытства! – Лина продолжала разговор с отцом в одесско-еврейском тоне. Она знала, что ему это нравится.

И генерал предложил прибрать к рукам мясокомбинат, чтобы он работал не на государство, а на них.

– Как!? – изумился Трехин. – Это же прибыльное предприятие, оно акционировалось. Недавно...

– Не важно, – хмыкнул генерал, не давая зятю договорить. – Мясокомбинат надо обанкротить, затем конкурсное управление и выкуп за гроши.

– Но как?! – Спросил зять. – Это же сложно!

– Да, папа, – опять подала голос дочка. – Не мы же с Тимофеем будем этим заниматься. Нужны надежные грамотные люди. – Лина заговорила уже деловым, а не одесским тоном.

– Все есть! – успокоил тесть. – Мои друзья все сделают в лучшем виде. Когда комбинат снова заработает, всю продукцию – в Москву. Вам десять процентов с чистой прибыли. Поверьте, это будут хорошие деньги. Весь бизнес-план проработан от и до.

Лина, как никак выпускница «Плехановки», прокрутила ситуацию в голове, как в компьютере, за две секунды, и, видя, что муженек приподнял руку, желая что-то сказать, мягко, но твердо взяла его ладонь в свои обе и прижала к столу:

– Мы согласны...

Все произошло точно по генеральскому сценарию. Мясокомбинат обанкротили, затем его купили москвичи. Слегка поменяв ассортимент, снова запустили производство. Основную продукцию везли в столицу. В Зареченске сбывали сардельки, сосиски да еще кое-какую мелочь. Раз в три месяца глава с супругой получали «квартальную премию». Лина радовалась: надо же, ничего не делаешь, а, бабки, летят. Да еще какие! Не чета магазинным доходам.

Она живо смекнула, что подобные операции можно прокручивать и самим. Теперь, когда к ней подкатывали с просьбами посодействовать в бизнесе, ставила условие: за решение проблемы двадцать процентов с прибыли. Она увеличила отцовскую таксу вдвое.

Кто артачился, тому перекрывали «кислород». Намертво! Ни одно согласование, никакую чиновничью закорючку невозможно было получить без разрешения главной районной советницы. Не хочешь платить? Значит, никакого бизнеса в Зареченском районе у тебя не будет!

Однажды предприниматель из областного центра подрулил напрямую к Трехину. Минуй Лину! Он слышал, что без благословения супружницы главы у него в Зареченске ничего не выгорит, но самонадеянно полагал, что уже протоптал дорожку. Его приятель из облдепартамента по развитию предпринимательства позвонил Трехину и попросил «принять и посодействовать».

– Пусть приезжает, – нехотя, как бы между прочим, проговорил Тимофей Григорьевич. – Встретимся, отчего же. Поговорим.

Предприниматель приехал и предложил на окраине Зареченска построить автозаправочную станцию с минимаркетом, шиномонтажом и мелкими ремонтными услугами. Под шиномонтаж наметил использовать бывшее помещение стационарного поста ГАИ, которое пустовало уже лет пять. Предприниматель увлеченно рассказывал, какое удобство АЗС сулит не только жителям Зареченска, но и транзитному транспорту. Но, видя, что глава не проявляет ни малейшего интереса к его проекту, бизнесмен умолк.

Трехин поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел на зеленеющие деревья в сквере около райадминистрации. Его внимание привлекли два воробья, которые дрались из-за хлебной корки около весенней лужицы. Сначала победил было тот, что покрупнее, но только он отвлекся на секунду, чтобы попить воды из лужи, как маленький воробышек юркнул с яблоневой ветки вниз и, на лету схватив корку, упорхнул из сквера.

«Кто смел – тот и съел», – усмехнулся про себя Тимофей Григорьевич и, подойдя к столу, опустился в кресло. Он пристально посмотрел в глаза губернскому визитеру и тихо, как бы нехотя, спросил:

– А что я буду иметь от этого вашего проекта?

Бизнесмен решил, что глава проявляет живейший интерес к предстоящей стройке и принимает его предложение. Он стал говорить о будущих налоговых поступлениях в районную казну, о дополнительных рабочих местах, об эстетическом облике Зареченска. Но Трехин перебил его:

– Вот что, господин хороший. У нас по генплану на этом месте будет гостиничный комплекс. Ваша АЗС, к сожалению, сюда не вписывается.

– Но ведь план можно скорректировать! – встрепнулся гость.

– Все! Разговор окончен!

Бизнесмен опешил:

– Тимофей Григорьевич, я хотел...

– Я сказал вам свое мнение. До свидания!..

А месяц спустя, проезжая Зареченск, предприниматель остолбенел. Там, где он хотел «приткнуть» свой автозаправочный комплекс, всюду строили небольшую газозаправочную станцию. Без минимаркета и шиномонтажа. Он навел справки и с удивлением узнал, что место под строительство получил бизнесмен из соседнего региона.

Они были знакомы, не раз встречались по делам. Только тот занимался газовыми АЗС.

Он позвонил удачливому сопернику:

– Как тебе удалось уломать «хозяина»?

– А я сначала – к хозяйке. Она потребовала двадцать процентов!

– Но ведь это грабеж!

– А куда деваться? Лучше синица в руках, чем утка под кроватью. Да и вообще: главное – ввязаться в драку, а там видно будет. Может, эмир помрет, или ишак сдохнет...

По пятницам Трехин пристрастился ходить в ресторан. Иногда вместе с супругой, но чаще один. После окончания рабочего дня шофер отвозил его в одно и то же место – «Оазис». Так назывался ресторан в центре города. Хозяин, азербайджанец Рустам, один из первых проторил дорожку к новоиспеченному главе района. По дешевке выкупил добротное здание бывшего райпотребсоюза. Конечно, не без помощи Трехина, за что платил ему десять процентов с прибыли. Кроме того, глава приходил сюда как домой: пил и ел на халяву.

В пятницу в ресторане бардачный день. Играет оркестр, чернявый паренек с жидкой бородкой и вертлявая девица под «минусовку» поют, развлекавая публику. Репертуар у них отработан: сначала медленные песни, без куража, а потом добавляют азарта, особенно под заказ, расходятся вовсю. Если приходит Трехин – не обходится без «конфеток-бараночек». Музыканты уже знают пристрастия районного босса. Они запевают, а когда доходит до припева, Тимофей Григорьевич, изрядно приняв на грудь, вскакивает с места, берет микрофон и поет сам. Публика в восторге от поющего райглавы, который также рад «оторваться»...

Чаще всего загул начинается в пятницу, продолжается в субботу и заканчивается в воскресенье ночью. В понедельник Трехин идет на работу с великого бодуна. Проведя планерку, запирается в кабинете, «поправляет» здоровье коньячком. Так и проходит рабочий день: за телефонными разговорами, приемом редких посетителей, подходами к мини-бару.

Как-то, придя из ресторана поздно вечером в пятницу, он застал супругу на кухне, где она в одиночестве лениво потягивала «текилку». Вообще-то Ангелина Львовна была равнодушна к выпивке. Правда, в хорошей компании под настроение могла выпить рюмку-другую водки или коньяку. Вино не признавала и, когда кто-нибудь потчевал ее испанским или аргентинским вином, отнекивалась:

– За сто пятьдесят рублей купить в Аргентине, привезти сюда, перепродать три раза с хорошей наценкой. Не верю! Размешали где-нибудь в Подмосковье в подвале спирт с водой, добавили красителя и ароматизатора – и вперед! – И, чуть помедлив, добавляла с сарказмом классическое: – Бургундское, ярославского разлива! Так что мне лучше водочки!

Но последнее время пристрастилась к «текилке». Тем более что, бросив торговлю, Лина заскучала, у нее появилось много свободного времени. Сын – студент, живет в Москве (ему купили «однушку») учится в престижном институте. Тимоха пропадает на работе. А что остается делать ей, энергичной еще не старой женщине? Не к прилавку же вставать! И она, когда одна, когда с подругами, позволяла себе рюмку-другую мексиканской кактусовки.

Сегодня у Лины было неважное настроение, и она устроилась на кухне. Трехин, пройдя из коридора «на огонек» и моментально оценив сервировку стола, широко и притворно улыбнулся:

– По какому поводу переводим капиталистическое пойло? Да еще в одиночестве?

Супруга сделала плоток и медленно, тягуче взглянула на благоверного:

– Не всем же в ресторанах веселиться! С Лариской на пару, наверное, песни пел? Смотри, узнаю – выгоню ее без выходного пособия. А тебе оторву одно место...

Тимоха взял стул, присел к столу и плеснул себе «текилы» в чайную кружку:

– Господь с тобой, Лина! Какая Лариса? Всегда один хожу... Когда без тебя, конечно, – путано закончил он.

Трехин выпил, зажевал лимоном и снова взглянул на жену:

– Ты чего такая смурная?

– А с чего веселиться?! Мне здесь оркестры песен не играют!.. Не то что некоторым... – с подначкой добавила уже спокойно.

– Да ладно тебе, Линусь! Ну, выпил немного в «Оазисе». От этого турка...

– Азербайджанца – поправила жена.

– Да все одно... От этого Рустама не убудет. И так всего десять процентов платит.

Тимофей плеснул в чашку, хотел было поднять, но Ангелина перехватила руку:

– Погоди. – И немного погоди: – У тебя Васька Николаев в райэлектросетях работает?

– Это с которым в одном доме когда-то жили?

– Ну да!

– Работает. Какого-то инвестора обещает привести, говорит, старое оборудование менять надо.

– Убери его!

– Оборудование?

– Да нет, Ваську!

– Но почему?

– По кочану! Сказала, значит, так надо!

И она рассказала, какую обиду нанесла ей сегодня Васькина жена на рынке. Эта стервоза малахольная, когда жили в одном доме в «Черемушках», проходу ей не давала: и о здоровье «Ангелиночки Львовны» справится, и про сыночка спросит, и делами Тимофея Григорьевича поинтересуется. А сегодня на рынке, выбирая говяжью вырезку, услышала за спиной ее змеиное шипенье: «Смотри, как лавочница-то раздобрела на казенных харчах!..».

Агнелина Львовна не оглянулась, но змеиный укус бывшей соседки по дому не пропустила мимо. Весь вечер ломала голову, как отомстить. И сейчас, приударив ладонью по столу, отрезала:

– Найди причину и уволь Ваську!

На следующее утро Тимофей Григорьевич вызвал к себе начальника юротдела Сергея Ивановича Воронина:

– У Николаева когда контракт заканчивается?

– Из райэлектросети?

– Ну да.

– Через три месяца, по-моему. Но надо уточнить.

– Вот и уточни... И проверь его контору, с предложением ротации кадров.

– Да ведь ему еще пятидесяти нет!..

Тимофей Григорьевич бросил на Воронина тяжелый взгляд.

– Ты не понял о чем я сказал?!

– Да, понял, Тимофей Григорьевич!

– Вот и исполняй!

Еще бы юристу не понять шефа! Он поступил сюда по протекции Ангелины Львовны. Был то ли ее дальним родственником, то ли родственником или знакомым ее друзей. Благословляя его на должность, она предупредила:

– Любое указание или поручение главы района должно выполняться быстро и беспрекословно. – Она подняла указательный палец кверху и заключила: – Только я могу внести коррективы в его распоряжения!

Сергей Иванович создал комиссию, и она стала в райэлектросети искать компромат. Однако показатели у предприятия были вполне приличные, о чем Воронин и доложил райглаве после проверки.

Слушая своего юриста, Тимофей Григорьевич еле сдерживал гнев. Наконец, когда Воронин отложил в сторону папку с таблицами, графиками, диаграммами, он тихим голосом, от которого начальника юротдела бросило в дрожь, произнес:

– Я же поручал тебе «накопать» на Ваську!

– Тимофей Григорьевич, все перекопал. Там полный порядок!

Трехин повысил голос:

– Иди и еще покопай!

Через неделю начальник юротдела доложил, что в райэлектросетях есть маленький «прокол» с распределением премиальных.

– А конкретно по Николаеву есть что? – спросил глава.

– Да вот, есть одна зацепка. В День энергетика премировал коллектив и себя тоже, а свою кандидатуру с вами, как работодателем, не согласовал. Выходит, нарушение, хоть и не очень серьезное.

Трехин оживился:

– Как это – не серьезное?! Серьезнее не бывает! – Он впился взглядом в Воронина и выдохнул: – Это же коррупция! Чувешь?! – И после небольшой паузы спросил: – А какая хоть премия-то?

– Я же сказал: к Дню энергетика.

– Да нет, я о сумме спрашиваю!

– А, – спохватился юрист, – пустяковая, триста рублей...

Глава несколько растерялся, но тут же нашелся:

– Дело не в сумме, а в принципе. Без моего согласия положил деньги себе в карман. Можно сказать, украл у государства. Оборотень... Змею на груди пригрели!

Он говорил так напористо, что юрист и сам уже стал сомневаться в порядочности районного энергетика. Хотя знал его чуть ли не с детских лет и никогда бы не поверил в его непорядочность. А тут, гляди-ка, как райглава поворачивает. Действительно, сегодня отстегнул себе триста рублей, а завтра хапнет 300 тысяч. А Трëхин, войдя в обличительный раж, заключил:

– Оформляй иск в суд и готовь распоряжение на увольнение по истечении контракта.

Через месяц состоялся суд. Николаева признали виновным в присвоении госсредств и осудили на год условно. Николаев клялся и божился, что не имел корыстного умысла, что включил себя в ведомость на премию, не зная о порядке согласования с главой района. Да и юрист почему-то пропустил этот промах... Он порывался внести в казну полученную сумму премии с любым штрафом, но глава был непреклонен. И когда директор электросетей пришел к Трëхину накануне истечения контракта просить о его продлении, тот развел руками:

– Пойми правильно: я не могу держать на такой ответственной должности человека с судимостью.

Николаев взмолился:

– Ты же меня сто лет знаешь! Я вором никогда не был! Ну как мне без работы! У меня же две дочери – студентки, за учебу платить надо. Да еще кредит взял на покупку квартиры. Без работы мне – никак!

Но Трëхин повторил:

– Мне с судимостью человек не нужен. Свободен!

В пятницу в конце дня к Трëхину приехал посетитель из Москвы. Глава был в хорошем расположении: только что в комнате отдыха отвел душу с Ларисой, а вечером ждал ресторан. Рустам сам пригласил Трëхина в «Оазис»: «Дарагой, приходи обязательно. Шашлык будет – палочки оближешь». «Наверное, просить о чем-то будет, – подумал глава, – этот просто так ничего не делает». Однако ничто не могло помешать его доброму настроению. Шашлычок под коньячок не помешает, а насчет просьбы, если что, подумаем. Бизнес у Рустама и так хорошо идет, а возникнет другая тема, и разговор будет особый. И цена новая. Хватит десятью процентами утираться. Не разорится, если даже треть «откатит».

Московского гостя встретил приветливо. Расспросил о столичном житье-бытье, посочувствовал насчет автопробок, никудышной экологии. Вот мы в провинции живем, как у Христа за пазухой. Ни пробок, ни смога, вода артезианская, продукты натуральные. Так что, шутливо закончил Трëхин, перебирайтесь-ка к нам. Да и до столицы отсюда на авто два часа езды.

Москвич ответно улыбнулся, как бы соглашаясь с доводами главы района.

– Так ведь я за этим и приехал, Тимофей Григорьевич. – Столичный посетитель еще радушнее улыбнулся хозяину района. – Хочу попросить участок земли гектаров пять недалеко от города.

Столичный гость изложил свой план. В пяти километрах от райцентра, на живописном берегу чистой речки Красноталки, в районе местного «Серебряного бора» раскинется гостинично-развлекательный комплекс. С площадками для гольфа, теннисными кортами, игровыми залами, вертолетной площадкой, автостоянками. Ну и, конечно, рестораны, бары, кафе. Прогулочные катера, рыбалка. Столичная публика задыхается в мегаполисе, поэтому в выходные, праздничные дни, отпуска серьезные люди предпочитают отдыхать не в Турции, а в живописных уголках средней полосы России. Надо только гостей хорошо и со вкусом обустроить.

– Организовать хорошим людям достойный отдых – наша с вами задача. Ну, как? – Многозначительно спросил москвич.

Трëхин ответно улыбнулся:

– «Серебряный бор» – место сказочное. Губа у вас не дура. Но ведь там земля не хуже, чем кубанский чернозем. Ее надо перевести из сельхозугодий под застройку. Как-то обосновать, торги провести. Мороки много...

– Так ведь в этом бизнесе и ваша доля будет. – Москвич бросил козырную карту. – Лев Яковлевич, ваш тесть, говорил про двадцать процентов. Куш, конечно, немаленький, но мы согласны и на это.

Зазвенел внутренний телефон, и Трехин удивительно мягким, добродушным тоном укорил секретаршу:

– Лариса, я же просил ни с кем не соединять... Да, конечно, иди... Нет, завтра выходить на работу не надо... Знаю, что работы много, но завтра – суббота, выходной... До свидания.

Положив телефонную трубку, Трехин слегка задумался, как бы мысленно возвращаясь к прерванному разговору. Потом взял со стола тонкую картонную папку розового цвета и убрал в выдвижной ящик стола. И только потом взглянул на гостя.

– Лев Яковлевич, – человек хороший, но он специалист в другой отрасли – военной. Бизнесом занимается, так сказать, по совместительству, поэтому многого недопонимает. Давайте обойдемся без его подсказок.

Глава поднялся с кресла, подошел к окну, задумчиво посмотрел на улицу и продолжил:

– Давайте поступим так. Дело вы затеваете хлопотное, хоть и перспективное... Еще раз посоветуйтесь с генералом, а мы прикинем свои возможности.

На том и разошлись. Трехин вызвал машину, чтобы ехать в ресторан, а москвич стал звонить генералу и договариваться о дальнейших действиях. Тот, конечно, легко раскусил тактику зятя и направил своего протеже к дочке, Ангелине Львовне. Та, выслушав москвича, успокоила: вопрос решаемый, без волынки, в два-три дня! И земля будет переведена из одной категории в другую, и конкурс пройдет, как надо, и все документы с нужными подписями и печатями будут лежать в розовой папочке. Но цена вопроса – тридцать процентов. Место райское, от клиентов, не только московских, но и местных, отбоя не будет. На «Серебряный бор» застройщики в очередь выстроились... Москвич кисло поморщился, но согласился.

Тимофей Григорьевич только сел за свой столик, как к нему поспешил Рустам. Подозвал официанта и сам заказал шашлык, заливное из семги, далму, икру, другие закуски, а также фрукты, сладости. Бутылку коньяка Рустам принес сам:

– Настоящий, друзья прислали из Азербайджана. «Для хороших людей», – улыбнулся он гостю и откупорил бутылку. Налил две рюмки, официант тут же поставил на стол тарелку с виноградом и нарезанными дольками лимона.

– Твое здоровье, дорогой! – Рустам потянулся чокнуться с Трехиным.

– И твое тоже!..

Выпили еще по одной и еще. Поговорили о том, о сем, но разговор был какой-то вялый, необязательный. Не сидеть же молча за столом. Трехин был уверен, что кавказец не просто так сидит с ним Ел ароматный и сочный шашлык и ждал, когда Рустам заговорит. И тот, помявшись, сказал::

– Понимаешь, дорогой, беда у меня, помоги! Ты все можешь. Ты же самый главный в районе. Тебя все уважают, слушаются. А как такого большого человека не слушаться?

– Что за проблема-то? – перебил его Трехин.

– Брат мой у меня работает. Понимаешь, в кутузку попал. Помоги вытащить, век не забуду!

Тимофей Григорьевич отпил из фужера минеральной воды.

– За что попал-то?

Азербайджанец досадливо взмахнул рукой:

– Понимаешь, брат купил квартиру, бесхозную, а через неделю ее хозяина нашли в лесу убитым. Почему так вышло, не знаю. Теперь брат под следствием. Судить будут... Помоги, ты же большой человек. Я заплачу – сколько скажешь. Нельзя брату в тюрьму...

Трехин бросил в рот виноградинку, но она, видимо, оказалась кислой, и он запил ее глотком минералки. Потом посмотрел кавказцу в глаза тяжелым взглядом, какой бывает у уже крепко выпившего человека, когда его тело как бы набирает вес, жесты и речь становятся медленными. Он, словно рассуждая сам с собой, медленно произнес:

– Судя по всему, твой брат попал крепко. Уголовщиной пахнет. Мокрое дело, тухлое... Азербайджанец встрепенулся:

– Да-да, вот и я говорю, крепко! Потому и надо вытаскивать... Помоги, я отблагодарю!

– Так ведь я – ни бог, ни царь и ни воинский начальник. И милиция с судом мне не подчиняются... – ухмыльнулся райглава.

– Почему не подчиняются?! – взмолился собеседник. – Тебе все подчиняются, ты здесь самый главный! И над милицией, и над судом. Тебя все боятся, а раз боятся, значит уважают! Помоги, прошу крепко!

Трехин задумался, отхлебнул еще минералки. Рустам спохватился, наполнил рюмки коньяком, потянулся к Трехину:

– Слушай, давай выпьем, а то шашлык стынет.

– Давай, – согласился Тимофей Григорьевич. – Выпьем, чтобы нас обошла кара сия!

– Да-да! – торопливо закивал хозяин ресторана. – Твоя правда!

И они чокнулись так, что хрусталь запел мелодично.

Трехин доел шашлык и взял ломоть дыни. Попробовал и молча кивнул, глядя на Рустама:

– Хороша! Научи, как такую выбирать!

Кавказец замахал руками:

– Зачем тебе ходить на рынок, выбирать. Сам принесу, только скажи!

– Может ты и прав, – медленно и чуть слышно, как бы про себя, произнес Трехин. –

Каждый должен заниматься своим делом.

Потом взглянул прямо в глаза азербайджанцу:

– Ты вот что! – Он сделал небольшую паузу. – Найми хорошего адвоката, пусть он найдет кучу болезней у твоего брата. Подаст ходатайство чтобы выпустили до суда под подписку о невыезде или домашний арест, а там видно будет. Я один звонок сделаю... Главное – толковый адвокат. Да не жалея денег-то! Не жлобствуй – знаю тебя!

– Что ты! Что ты! – замахал руками Рустам. – Как можно! Все сделаю, как велишь! Ничего не пожалею!

– Вот-вот. Сейчас главное – выиграть время!..

Через неделю Рустам позвонил Трехину.

– Спасибо тебе, дорогой. Все сделал, как ты велел. Залог заплатил, выпустили брата.

Адвокат хороший, грамотные бумаги составил.

Ну, а дальше все пошло по обкатанной схеме: поработали со свидетелями, следователя отправили отдыхать на Канары. В общем – тянули время. И уголовное дело с хорошей судебной перспективой стало разваливаться, как карточный домик. А вскоре его и совсем закрыли за истечением срока давности и недоказанностью преступления.

Трехин вспомнил, как года три назад его приятеля-коллегу, главу соседнего района, прищучили за взятки. Взяли с поличным, поместили в СИЗО. Казалось, амба, не выкрутиться. Но родственник главы, крупный заводчик, нанял московского адвоката с бульдожьей хваткой. И тот надолго затормозил дело. Нашел и нарушения процессуальных действий со стороны следствия, и противоречия в свидетельских показаниях. А самое главное, приобщил к делу справки о таких болезнях подсудимого, что, если верить этим бумагам, жить ему осталось два понедельника. Тут тебе и ишемия, и сахарный диабет, и даже рак. А справки на фирменных блан-

ках, с подписями и печатями, все чин-чинарем. В общем, выпустили главу под миллионный залог. А адвокатская машина продолжала работать. Свидетели отказались от прежних показаний... И, как ни удивительно, суд взяточника оправдал! Глава слетал в Испанию на отдых и лечение и вскоре вышел на работу. История эта попала даже в столичную прессу. Местная почти вся была заводчиком куплена и старательно отмывала его. А в районе народные остро-словы шутили: «Следствие и правосудие прогнулись под властью больших денег».

Было и еще несколько схожих историй, когда, попав под следствие, чиновники вдруг обнаружили у себя кучу болезней и в одночасье становились чуть не инвалидами, которым СИЗО был совершенно противопоказан.

– Вот, учись, – шутиливо наставлял супругу Трехин. – У маленького человека и возможности мизерные, а то и вовсе нет никаких. А о тех, кто при власти и при деньгах, даже государство заботится. Вон недавно президент страны внес предложение: принять закон, по которому людей с серьезными заболеваниями на время следствия за экономические преступления не сажать в СИЗО. Так что главное – успеть нанять ловкого адвоката. И через него получить от врачей справки с нужным заключением. Ну, а дальше адвокаты за хорошие «бабки» устаканят все проблемы, в том числе помогут отмазаться от следствия и даже от суда.

Так рассуждал Тимофей Григорьевич Трехин, смакуя с женой коньяк. И жизнь казалась ему сложной из солнечных праздничных дней. И он на этом празднике жизни совсем не чужой.

...Москвич, просивший землю в «Серебряном бору», приехал через неделю с юристом и уже готовыми бумагами. Согласно им, учреждалось закрытое акционерное общество «Инвестстрой». Тридцать процентов акций достались Ангелине Львовне Трехиной, а ЗАО получало в аренду на 49 лет с правом выкупа пять гектаров земли под шикарный оздоровительно-развлекательный комплекс.

Крупную сделку решили обмыть в ресторане у Рустама. Из Москвы приехал директор инвестиционной компании с молоденьким смазливый мальчиком, отрекомендовавшимся референтом босса. Гуляли в банкетном зале. Референт неотлучно находился около шефа, ухаживал за ним, наливая виски и угощая из своих рук ломтиками лимона. А тот, видимо, в знак благодарности, поглаживал референта по бедрам.

На ветровом стекле шестисотого «мерина», на котором приехал директор инвесткомпании, был прикреплен пропуск в Госдуму. Ангелину Львовну распирало любопытство. Улучив момент, она склонилась к московскому юристу, сидевшему рядом:

– Видно, ваш шеф с большими связями?

Юрист молча поднял большой палец кверху. Ангелина Львовна больше с расспросами на эту тему не докучала.

Выпивали долго. И за хозяев района, и за будущий комплекс, и за взаимопонимание и процветание бизнеса. Рустам лично следил за обслуживанием гостей, иногда по их просьбе присаживался за стол и выпивал с ними рюмочку. Он был здесь чем-то вроде тамады: предлагал тосты, шутил, рассказывал байки и анекдоты. Трехину запомнился про поезд. Едут в купе мужчина и женщина. Мужчина на верхней полке, а дама внизу. Мило беседуют целых полчаса. Потом мужчина свешивается сверху и говорит: «Милая, как вас звать-то?!» А та в ответ: «А чего меня звать. Сейчас выпью, закурю и сама к тебе залезу».

Когда веселье было в разгаре и кое-кто из гуляющих стал танцевать, Рустам подсел к Трехину и незаметно сунул ему увесистый пакет. Тот так же украдкой сунул его в карман своих брюк.

Москвичи в «Серебряном бору» развернулись вовсю. Нагнали всякой техники, привезли несколько бригад строителей. Местных подрядили на мелкие работы.

В один из дней Трёхин приехал взглянуть на стройку. Как-никак в ней есть и его доля! Побродил по этажам гостиничного корпуса. Строительство шло с колес». То, что привозилось на площадку, сразу шло в дело. И от этого стройка, казалось, растет как на дрожжах.

Поговорил с начальником строительства, отметил знание им своего дела, подивился его кругозору. Пожалел, что такого спеца нет в его команде, но понимал: такой строитель району не по карману. Тут у Тимофея Григорьевича зазвонил мобильник. Номер был незнакомый. Нажал кнопку:

– Слушаю.

– Тимофей Григорьевич, извините, что звоним на мобильный, но дело требует быстрого решения...

Это были предприниматели из соседней губернии, занимались торговлей бытовой техникой. Они уже вовсю развернулись в пяти районах области, и вот теперь дошла очередь до Зареченска.

– А кто дал вам мой номер? – спросил Трёхин.

– Наши общие знакомые поспособствовали. Вы не обижайтесь, ради бога!

– Какие знакомые? – настаивал Трёхин.

– Очень хорошие, при встрече расскажем.

Глава района редко кому давал номер своего мобильного, его знали только доверенные люди. Он прокручивал в памяти возможные варианты и источники утечки информации. Одним из них мог стать неугомонный тестяга-генерал. Этот, когда чувствует выгоду, идет на все. Словно волкодав, захватывает жертву и не отпускает, пока не добьется своего.

Когда бизнесмены озвучили его процент за содействие, Трёхин, не долго думая, согласился на встречу, чтобы обсудить детали. Да от него почти ничего и не требовалось. Выделить предпринимателям два-три помещения под магазины. Таких в городе пока хватало. Пусть покупают и хоть завтра начинают торговать. По крайней мере, лишняя копейка в бюджет. Тем более дают пятьдесят процентов отката!

«Вот попёрло!», – чуть не вырвалось у главы района.

... Больше двух часов длился обыск в кабинете Трёхина. Параллельно следователи беседовали с его заместителями и главбухом. Когда все закончили, собрали в объемистую коробку изъятые в ходе обыска крупную сумму в рублях и валюте, различные документы для следствия. Решили продолжить обыск в квартире главы района.

В приемную Трёхин вышел в сопровождении следователей и понятых. Лариса, было, кинулась навстречу:

– Тимофей Григорьевич?!...

– Отстань!.. – Трёхин даже не взглянул в ее сторону.

На первом этаже около помещения охраны играл радиоприемник. Радио «Шансон» транслировало концерт по заявкам слушателей. Из динамика неслось:

– Все прошло, все умчалось

В невозвратную даль.

Ничего не осталось,

Лишь тоска да печаль...

Через двое суток его с санкции суда арестовали. Еще через день столичный адвокат (это расстарался тестя-генерал) сумел передать ему записку. В ней сообщалось: жена при обыске удачно разыграла обморок и сейчас лежит в ЦРБ, откуда ее просто так следователям не достать. Ангелина Львовна была с главврачом на короткой ноге... Конечно, откинуться придется, но стоят врачи несравненно дешевле адвокатов.

Он лежал на жесткой казенной койке и безрадостно размышлял о новой полосе своей жизни. Впереди ждало долгое следствие, ознакомление с делом и суд. «Хоть бы адвокат

добился, чтобы арест заменили на залог», – подумал Трёхин. Но тут же представил, в какую сумму ему это обойдется и затосковал.

За железной дверью раздался громкий хохот вертухаев. «Наверное, анекдоты рассказывают, – подумал Тимофей – или небылицы обо мне».

Безутешная тоска, горечь и безысходность перед нынешними обстоятельствами захлестнули его настолько, что ком подкатил к горлу, и он тяжелым всхлипом подавил подступившие рыдания.

ЧУЖАК

Глава первая

Витёк

Семейство Виктора Потапова появилось в деревне неожиданно. Старенький домик бабки Пелагеи стоял в середине села бесхозным лет десять. Бабка померла весной, накануне Пасхи. Близкой родни у неё не оказалось, похоронили ее всей деревней. А домишко с той поры доживал свой век без хозяйки.

Но как-то в начале лета Пелагеины хоромы ожили. В доме появилась семья москвичей-дачников. Сначала объявился Виктор. Оторвал трухлявые доски с окон, поправил покосившееся крыльцо, заменил две доски на подгнивших ступеньках. Потом начал возиться огородом, разрабатывать заросшие дерном грядки.

Родственник ли он был бабки Пелагеи, или просто купил ее домишко, деревенских это особо не волновало. Они просто приглядывались к новому жильцу: что за человек, и по какой надобности пришвартовался сей господин в деревне, ведь с ним жить рядом. Деревня – не город, здесь вышел из дома – и всяк человек на виду. Пока дойдешь до колодца с ведром, с половиной односельчан поклоняешься.

Лет Виктору было не больше сорока, ну, может, с небольшим довеском. Поэтому его с легкой руки Сашки Астахова, соседа бабки Пелагеи, стали звать запросто – Витёк. А деревенский балагур, бывший тракторист Вася Симаков, окрестил его Топором. И ведь в точку попал!

Витёк, высокий и худощавый, и вправду был похож на деревянное топориче. Поэтому Вася, глядя на идущего по деревне Витька, частенько изрекал:

– Топор в лес за чем-то пошел.

Симакову Витёк не шибко нравился: чужак, он и есть чужак. Но и Витёк не особо располагал к себе односельчан. Хозяйственностью не отличался, старанием тоже. Подправил кое-как бабкин домик, вскопал пару грядок под зелень, и вся недолга. В лес за ягодами-грибами тоже не особенно рвался, так, иногда сходит, ради баловства, принесет десяток подосиновиков на жарёху, а чтобы ягоды собирать – не царское это дело ползать на коленях. Так и жил чужак ленивой дачной жизнью. Может, поэтому Вася-то его и недолюбливал.

А за что его любить? Сидит целыми днями на ступеньках крыльца и покуривает. Или нехотя бродит по деревне, словно ища какую пропажу. А когда у него заводилась копейка, садился на велосипед и катил в соседнюю деревню, в магазин. Покупки у него известные: выпивка и закуска. Пил он молча, один, не высываясь из дома. Но, приняв изрядную дозу на грудь, открывал окно, ставил на подоконник магнитола австрийской фирмы «Витек» и врубал на всю катушку кассеты с блатными песнями. Односельчане, глядя на его веселье, усмехались:

– Ну, Витёк завел свой «Витек»!

Соседи плевались, зная, что Витькова музыка будет надоедать долго, может, два-три дня, пока он не проплет свой подвернувшийся капитал.

Деньги ему привозила жена, Светка. Она работала в Москве в какой-то фирме и приезжала к Витьку на выходные раз или два в месяц. Иногда, особенно в летнюю пору, с ней прика-

тывала дочка Вика. И тогда Витёк раскочегаривал в огороде мангал и жарил шашлыки. Гуляли всем семейством. Папаня с маманей угощались винцом, а дочка баловалась пивом. Бывало, что дочка приглашала с собой друзей, и тогда два дня у Топора было веселье. Но гулевали без скандалов и драк, чинно, пристойно. Хотя и шумно.

Витёк и один вел себя так же. Вмажет винца, врубит австрийский агрегат, выставит его на подоконник и целыми днями не выходит из дома. Пока валюта не кончится. Деревенских выпивкой не угощал, только Сашке Астахову иногда перепадало. В основном, за труды, потому что Сашка, по просьбе Витька, частенько мотался в сельмаг за выпивкой. Да и все же соседское дело.

Односельчане удивлялись. Вот жизнь у людей! Молодой мужик, нигде не работает, одна выпивка на уме. Да ведь и деньжищ-то сколь надо, если пить целыми днями. Винишко-то просто так продавщица в сельмаге не даст. За него надо денежку заплатить, да и закуска кой-какая, а все-таки требуется. И эта Светка, фифа столичная, хоть бы хны! Пьет мужик – и ладно, денег на это дело не жалко, с каждым приездом отстегивает ему немерено. И что у них в Москве за зарплаты такие?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.